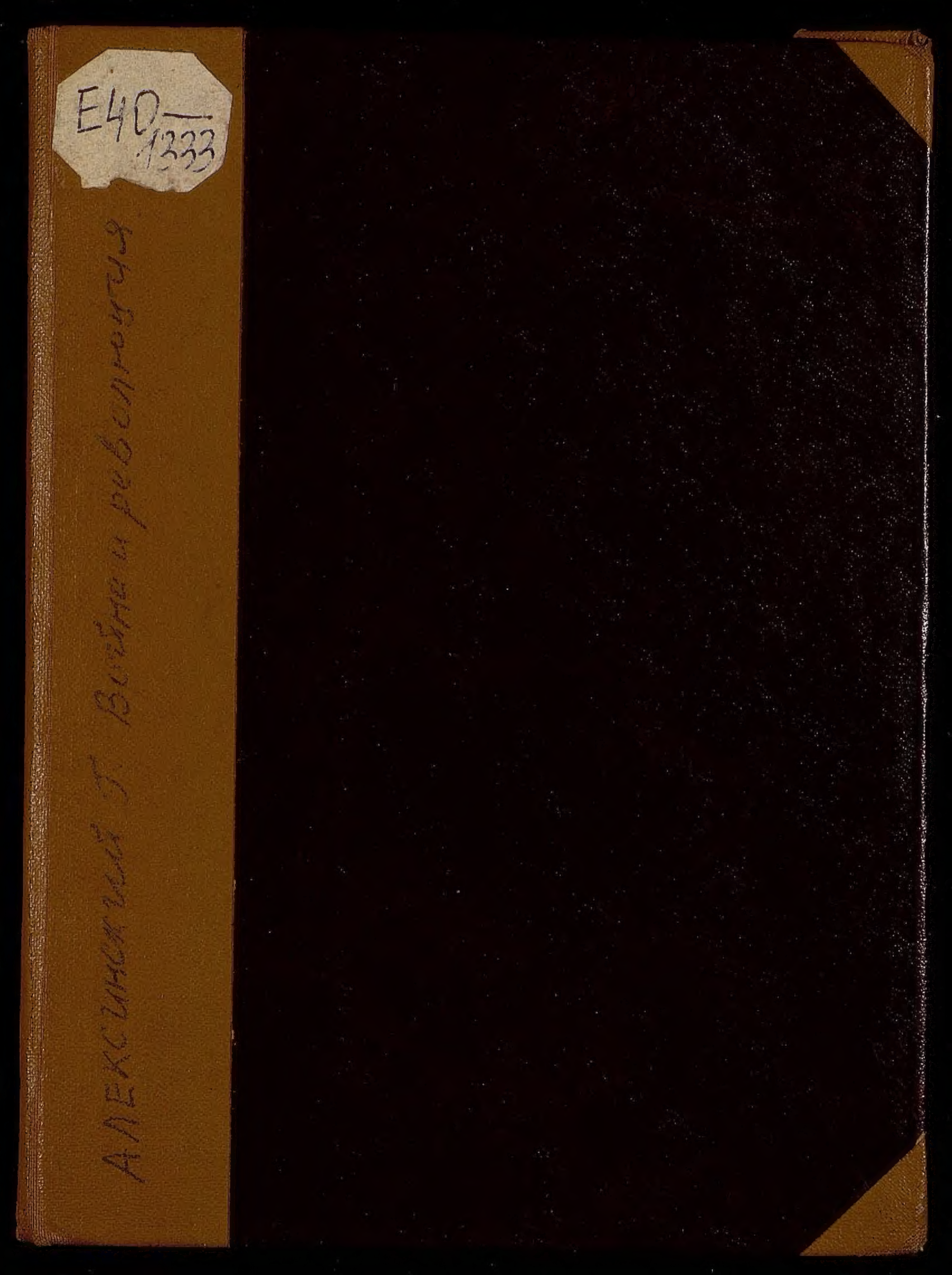

Е40 — 1333
Алексинский Г. Война и революция

БИБЛІОТЕКА
СВОБОДА

Г. АЛЕКСИНСКІЙ
Б. Членъ Государств. Думы.

ВОЙНА и РЕВОЛЮЦІЯ.

---

*Смѣло, друзья! Не теряйте
Бодрость въ неравномъ бою!
Родину-мать вы спасайте
Честь и свободу свою!".*
(Изъ русской революціонной пѣсни).

К-ВО
ЯСНАГО
е ПОПОВА.
П. Т. Г.
1917

Л. Л.

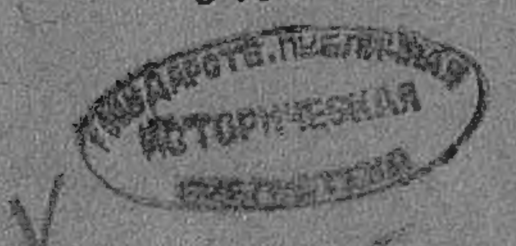
Г. АЛЕКСИНСКІЙ.
Б. Членъ Государств. Думы.

ВОЙНА и РЕВОЛЮЦІЯ.

Смѣло, друзья! Не теряйте
Бодрость въ неравномъ бою!
Родину-мать вы спасайте,
Честь и свободу свою!".

(Изъ русской революціонной пѣсни)

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Т-ва «Грамотность», 5 Рождественская, 44.
1917.

ИСТОРИЧЕСКАЯ

I.

Россійская революція, въ томъ видѣ, какъ родилас она,—дитя войны. Конечно, государственный переворот и паденіе стараго строя въ нашей странѣ подготовили уже давно,—долгими-долгими годами несправедливости гнета, которыми полна исторія самодержавной Россіи. Но война ускорила революціонный взрывъ и создала внутри страны такое положеніе дѣлъ, при коемъ переворотъ сталъ вдвойнѣ неизбѣжнымъ и болѣе легкимъ.

Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо войны всегда глубоко отражаются на внутренней жизни страны, вызывая въ ней потрясенія и подготавливая перемѣны.

Такъ было и въ исторіи Россіи. Война противъ Швеціи, бывшей тогда передовымъ государствомъ Европы, поставила передъ Россіей эпохи Петра Вел. вопросъ объ европеизированіи государства, о его преобразованіи. Но тогда народъ былъ еще слишкомъ малосознателенъ, чтобы взять это преобразованіе въ свои руки. Поэтому оно и не было настоящимъ преобразованіемъ, какъ нынѣшняя наша революція а оказалось „революціей сверху“, и часто, даже слишкомъ часто, расходилось съ потребностями народныхъ массъ и ложилось на народъ новымъ гнетомъ, вызывая съ его стороны упреки и проклятія противъ преобразователя.

Отечественная война 1812 года, борьба противъ нашествія Наполеона I точно такъ же очень сильно всколыхнула жизнь народа. Но опять таки народныя массы оказались еще неспособны къ революціонному движенію въ

широкой и организованной формѣ. Напрасно передовое офицерство, въ лицѣ „декабристовъ“, пыталось 14 декабря 1825 г. поднять возстаніе противъ самодержавія: неподдержанное народомъ, возстаніе было раздавлено, а участники его повѣшены и сосланы на каторгу.

Въ 1854-55 годахъ Крымская кампанія является новымъ испытаніемъ внутренней силы русскаго государства, и пораженіе, понесенное Россіей въ этой кампаніи, вновь ставитъ на очередь вопросъ о переустройствѣ страны. Правительство, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, идетъ на уступки, крестьянство освобождается отъ крѣпостного права, происходитъ реформа суда, вводится земство, преобразуется городское управленіе, устанавливается всеобщая воинская повинность и т. д.

Война съ Турціей, ведшаяся въ 1877-78 гг., точно такъ же не осталась безъ вліянія на внутреннюю жизнь Россіи. Война эта велась подъ лозунгомъ „освобожденія славянъ“, и совершенно естественно, что передъ лучшими людьми нашей родины долженъ былъ возникнуть вопросъ: мы освобождаемъ болгаръ, но свободны ли мы сами? И нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что подъемъ революціоннаго движенія въ Россіи послѣ Балканской войны стоялъ въ тѣсной связи съ тѣмъ патріотическимъ подъемомъ, который вызывала идея освобожденія славянъ. Не даромъ же среди революціонеровъ-народовольцевъ того времени были такіе, которые шли добровольцами въ русскую армію для борьбы съ турками, угнетавшими славянъ.

Русское самодержавное правительство, надо сказать, не всегда понимало, что война можетъ оказывать революціонизирующее вліяніе на внутреннюю жизнь страны и, наоборотъ, было склонно разсматривать войны, какъ отдушину для удаленія революціонныхъ паровъ. Можно думать, напримѣръ, что правительство Николая I пошло на Крымскую войну для того, чтобы утопить внутреннее недовольство въ барабанномъ боѣ. Но оно ошиблось въ разсчетѣ, и Крымская война не отодвинула назадъ, а наоборотъ подвинула впередъ общественное и политическое развитіе России.

То же произошло, и въ еще большей степени, во время русско-японской войны. Когда въ 1902—1903 годахъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи стали подниматься первыя мощныя волны революціоннаго движенія, промышленные центры стали охватываться огромными рабочими стачками, и крестьянскія волненія прокатились по цѣлому ряду губерній, правительство Николая II захотѣло отвести гнѣвъ народный отъ себя на японцевъ. Но эта затѣя позорно сорвалась, какъ на внѣшнемъ, такъ и на внутреннемъ фронтѣ. На внѣшнемъ фронтѣ бѣдная русская армія и флотъ, приведенные въ разстройство бюрократами и казнокрадами, понесли сильнѣйшее пораженіе отъ японцевъ, а внутри страны правительство очутилось передъ сильнымъ революціоннымъ взрывомъ, который заставилъ его созвать Государственную Думу.

Однако, самодержавіе вышло цѣлымъ изъ бурнаго времени русско-японской войны. Оно успѣло сохранить въ своихъ рукахъ руководство внѣшней и внутренней политикой, заключило поспѣшно миръ съ Японіей, сдѣлавъ ей большія уступки на Дальнемъ Востокѣ, и затѣмъ использовало военную и полицейскую силу для подавленія народнаго движенія. Побѣжденный Японіей царизмъ оказался побѣдителемъ въ войнѣ съ собственнымъ народомъ.

Совсѣмъ иное положеніе сложилось теперь, во время войны съ Германіей.

II.

Для того, чтобы уразумѣть, какъ слѣдуетъ, сущность того, что происходитъ сейчасъ въ Россіи, и то, что отличаетъ нынѣшнее положеніе вещей отъ того, какое было въ 1905 году, надо имѣть въ виду общія причины и основной характеръ теперешней войны.

Люди, которые желаютъ поселить въ умахъ русскаго народа сумятицу, а въ сердцахъ равнодушіе и уныніе, часто увѣряютъ, что въ возникновенія этой войны одинаково

виноваты всѣ воюющія страны, и что всѣ правительства одинаково охотно шли навстрѣчу военной грозѣ.

Въ дѣйствительности, дѣло обстоитъ совсѣмъ не такъ. Не только народы, но и правительства союзныхъ странъ не могли желать столкновенія съ Германіей по той простой причинѣ, что страны эти, какъ показали первые два года войны, были гораздо менѣе подготовлены къ этому столкновенію, чѣмъ Германія. Въ частности, если взять Францію, то я, который прожилъ во Франціи, нѣсколько лѣтъ передъ войной, могу утверждать что, за исключеніемъ невліятельной кучки задорныхъ воинствующихъ крикуновъ, какіе имѣются во всѣхъ странахъ, Франція, какъ цѣлое, не хотѣла войны и старалась избѣжать ея.

Для того, чтобы вы составили себѣ правильное понятіе о томъ, какъ были настроены во Франціи народныя массы передъ войной, я приведу одинъ фактъ.

Когда стали обнаруживаться признаки того, что Германія усиленно готовится къ войнѣ, французское правительство и парламентъ обсуждали вопросъ о предохранительныхъ мѣрахъ противъ возможнаго нападенія. Какъ разъ незадолго до этого во Франціи былъ сокращенъ срокъ военной службы до двухъ лѣтъ, что привело къ количественному уменьшенію численности войскъ. Угроза нападенія со стороны Германіи требовала новыхъ мѣропріятій. Соціалисты, съ Жоресомъ во главѣ, совѣтовали перейти къ системѣ всеобщаго вооруженія народа, оставивъ отъ казарменной арміи лишь кадры, нужные для обученія гражданъ—ополченцевъ. Парламентское большинство, не согласное съ соціалистами, предпочло рѣшить вопросъ возвращеніемъ къ прежнему трехлѣтнему сроку службы, что и было сдѣлано. Но когда парламентъ принялъ законъ о возстановленіи трехлѣтняго срока службы, революціонные элементы народа протестовали противъ этого столь рѣшительно, что въ нѣсколькихъ десяткахъ гарнизоновъ Франціи произошли крупныя волненія солдатъ и открытыя выступленія ихъ противъ правительства. Вообще можно утверждать, что ни въ одной странѣ антимилитаристскія,

стремленія не были такъ сильны до войны, какъ во Франціи.

Не только соціалисты Франціи были рѣшительно настроены въ пользу поддержанія мира, но и часть буржуазнаго общества. Доказательство этому широкое участіе представителей буржуазныхъ партій Франціи въ междупарламентскихъ совѣщаніяхъ французскихъ и нѣмецкихъ парламентаріевъ, которые созывались передъ войною въ Швейцаріи и имѣли своей цѣлью выработку мѣръ къ обезпеченію мира между Франціей и Германіей. Французскіе парламентаріи изъ буржуазныхъ партій являлись на эти совѣщанія въ значительномъ количествѣ, тогда какъ ихъ нѣмецкіе коллеги отнюдь не проявляли особаго рвенія въ заботѣ о мирѣ.

Что касается Англіи, то не имѣя совершенно сухопутной арміи и зная, что флотъ, самъ по себѣ, не можетъ играть рѣшающей роли въ войнѣ противъ Германіи, англичане не могли съ легкимъ сердцемъ итти на конфликтъ и, если пошли на него, то лишь тогда, когда движеніе нѣмцевъ въ сторону Бельгіи и Сѣверной Франціи показало, что первое, чего желаетъ нѣмецкій милитаризмъ, это—утвердиться желѣзной пятой на побережьи Ламанша и Па-дэ-Калэ, а это означало для Англіи ни больше ни меньше, какъ полную зависимость ея отъ германскаго владычества. Согласиться на это Англія, конечно, не могла. Если бы она согласилась на это, то это было бы не только самоубійствомъ для нея самой, но и предательствомъ интересовъ всей Европы ибо, безъ поддержки Англіи, Бельгія была бы не только раздавлена, но и лишилась бы всякой надежды на освобожденіе отъ нѣмецкаго ига, а Франція стала бы нѣмецкой рабыней. И Россія врядъ ли смогла бы оказать сколько-нибудь существенное сопротивленіе германскому нашествію, если бы Англія не оказывала ей поддержку своими техническими средствами, своимъ міровымъ вліяніемъ, своимъ господствомъ на морскихъ путяхъ и если бы та же Англія не обезпечила для Россіи безопасность и поддержку со стороны Японіи.

Обо всемъ этомъ слѣдуетъ напоминать тѣмъ пошля-

камъ, которые вмѣсто признательности по отношенію къ Англіи, повторяютъ избитыя фразы объ «эгоизмѣ» и „коварствѣ“ британцевъ и пр.

Не могу не вспомнить по этому поводу словъ одного англійскаго офицера, съ которымъ я совершилъ поѣздку на англійскій фронтъ, въ долину Соммы. Это было нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ перваго большого наступленія англичанъ на Соммѣ, стоившаго имъ немалыхъ потерь. Мы шли по мѣстности, отбитой англичанами у нѣмцевъ, между бывшихъ нѣмецкихъ траншей. То и дѣло попадались намъ англійскія могилы: — «Здѣсь лежитъ такой-то солдатъ королевскаго шотландскаго полка».— «Здѣсь погребены три неизвѣстныхъ британскихъ солдата“... — Цѣлое озеро маленькихъ крестовъ, обнесенныхъ оградой, на которой надпись: «Британское военное кладбище».— Англійскій офицеръ — волонтеръ, самъ дравшійся здѣсь съ нѣмцами во главѣ своего батальона, указывая мнѣ на кресты, сказалъ: — «О насъ, англичанахъ, говорятъ даже среди союзниковъ, что мы неискренни и эгоистичны, что мы избѣгаемъ жертвъ и предоставляемъ другимъ жертвовать собою. Мы оставили здѣсь, во французской землѣ, тысячи и тысячи нашихъ согражданъ, лучшій цвѣтъ нашей молодежи. Какое другое доказательство нашей искренности можемъ дать мы?“—И на глаза у него навернулись слезы.

Неумѣренные обожатели нѣмцевъ, какіе, къ сожалѣнію, имѣются у насъ въ немаломъ количествѣ, желая обѣлить своего возлюбленнаго кайзера и его вѣрныхъ соціалдемократическихъ слугъ, утверждаютъ, будто Англія вызвала войну съ Германіей изъ корыстныхъ побужденій экономическаго свойства. Что экономическіе интересы играютъ большую роль во внѣшней политикѣ современныхъ государствъ, въ этомъ спору нѣтъ. Но какъ разъ экономическіе интересы Англіи за послѣдніе годы не толкали ее на вооруженную борьбу съ Германіей. Если нѣсколько времени тому назадъ германская конкуренція на внѣшнемъ рынкѣ чрезвычайно сильно давила англійскую промышленность и торговлю, то какъ разъ за послѣднее время пе-

редъ войной англичане сумѣли справиться съ нею и стали возвращать себѣ утраченныя экономическія позиціи. Это обстоятельство именно и заставило капиталистическую Германію захотѣть войны, ибо ей было желательно взять вооруженной рукой то, что было трудно взять мирнымъ хозяйственнымъ соревнованіемъ. Съ этой точки зрѣнія можно сказать, что если Англія является виновницей войны, то развѣ лишь потому, что она не захотѣла уступить покорно Германіи поле промышленной и торговой конкуренціи. Но кто же, кромѣ явныхъ друзей германскаго имперіализма осмѣлится винить за это Англію?

Отношеніе англійскихъ рабочихъ къ настоящей войнѣ таково, что не можетъ быть и тѣни сомнѣнія въ томъ, что огромное большинство ихъ считаетъ дѣло своей родины правымъ и участіе въ защитѣ ея своимъ прямымъ долгомъ. Наиболѣе сильныя и вліятельныя рабочія организаціи Англіи единодушно высказались за оборону страны, содѣйствовали — до введенія обязательной воинской повинности—вербовкѣ добровольцевъ въ армію (одниxъ горнорабочихъ записалось въ волонтеры свыше трехсотъ тысячъ) и послали въ составъ министерства своихъ представителей, подобно тому, какъ это сдѣлали французскіе и бельгійскіе соціалисты.

Проживъ первые два съ половиной года войны за границей, я имѣю возможность утверждать, что сознательные рабочіе Франціи и Англіи отнюдь не раздѣляютъ цинично—безразличнаго отношенія нашихъ „интернаціоналистовъ“ (они же пораженцы) къ главному вопросу о томъ, кто виновникъ войны. Считая этимъ виновникомъ не свои правительства, а германское, они оказываютъ своимъ правительствамъ энергичную поддержку въ дѣлѣ обороны страны. И дѣлая это, они честно выполняютъ свой соціалистическій долгъ, ибо соціалистическій интернаціонализмъ требуетъ свободнаго развитія народовъ и, слѣдовательно, безпощадной борьбы съ насильниками и угнетателями, мѣшающими этому свободному развитію.

III.

Мы видѣли, что оборонительное положеніе двухъ союзныхъ намъ великихъ и передовыхъ странъ въ настоящей войнѣ всецѣло признается сознательными рабочими этихъ странъ. Посмотримъ теперь, каково положеніе нашей родины въ охватившемъ Европу военномъ пожарѣ и какъ должны относиться къ войнѣ русскіе революціонеры вообще, и соціалисты, въ частности.

Прежде всего: хотѣла ли Россія этой войны?

Если мы возьмемъ Россію народную то отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ совершенно ясенъ.

Русскій народъ въ своей трудовой массѣ принадлежитъ къ числу наиболѣе миролюбивыхъ народовъ міра. Объ этомъ свидѣтельствуютъ произведенія народной поэзіи и религіозной мысли. Еще во времена язычества религія русскихъ славянъ, въ отличіе отъ религій многихъ другихъ народовъ, въ частности, грековъ, римлянъ, германцевъ, скандинавовъ, отличалась мирнымъ характеромъ. Мать-Сыра Земля въ языческой Россіи, Софія-Премудрая — въ Россіи христіанской несутъ въ себѣ черты, не имѣющія ничего общаго съ воинственной Аѳиной-Палладой древнихъ грековъ, которая была одновременно и богиней мудрости и богиней войны. Вмѣсто громовержца-Юпитера въ древней Руси мы встрѣчаемъ Волоса, мирнаго покровителя луговъ и стадъ, да и о воинственности другого главнаго бога славянъ язычниковъ Перуна не сохранилось никакихъ воспоминаній. Жестокость и кровожадность, въ народныхъ вѣрованіяхъ нашей страны, — черты, свойственныя не божеству, а „нечистой силѣ“.

Христіанская Русь сохранила, въ своей народной толщѣ, тѣ же идеи миролюбія. Посмотрите, напримѣръ, что она сдѣлала со св. Георгіемъ Побѣдоносцемъ, который на Западѣ выступаетъ рыцаремъ—воиномъ. Русская деревня отняла у него мечъ и копье и дала ему въ руки пастушескій кнутъ: праздникъ Георгія Побѣдоносца („Егорьевъ День“) сталъ въ Россіи мирнымъ праздникомъ сельскаго пастуше-

ства,—въ этотъ день крестьяне выгоняютъ скотину въ поле. Возьмите далѣе русскія народныя пословицы: „Кровь—не вода“, „худой миръ лучше доброй ссоры“, — говорятъ онѣ. Въ русскихъ былинахъ главная роль принадлежитъ не рыцарямъ—воинамъ, для которыхъ война—главная цѣль жизни, а пахарямъ, Ильѣ Муромцу, сыну крестьянскому, и Микулѣ Селяниновичу, самое имя котораго показываетъ, что это не профессіональный вояка. Крайне показательна въ этомъ смыслѣ былина о встрѣчѣ богатыря съ «оратаемъ», т. е. землепашцемъ, кончающаяся торжествомъ послѣдняго надъ богатыремъ. Извѣстный французскій ученый Артуръ Рамбо, написавшій хорошую книгу о русской народной поэзіи, сравниваетъ ее съ поэзіей древнихъ германцевъ и отмѣчаетъ, что въ германской поэзіи богъ Торъ, покровитель работниковъ всегда побѣждается Одиномъ, богомъ войны, тогда какъ въ русской наоборотъ мирный трудъ торжествуетъ надъ ратнымъ дѣломъ. Не мѣшаетъ отмѣтить еще и то обстоятельство, что въ русскихъ былинахъ нѣтъ даже русскаго слова для обозначенія воина-спеціалиста: слово «богатырь» взято у тюрко—монгольскихъ народовъ, а слово «витязь» у скандинавовъ. И позже мы встрѣчаемъ то же явленіе: слова, служащія для обозначенія разныхъ воинскихъ чиновъ и различныхъ отраслей военнаго дѣла, входили въ русскій языкъ изъ иностранныхъ языковъ („солдатъ“, „генералиссимусъ“, „лазаретъ“, „интендантство“, „фортъ“ и т. д.). Лишь въ немногихъ случаяхъ, военный языкъ нашъ образуется изъ словъ чисто русскихъ, какъ „пѣхота“, „пулеметъ“, „окопъ“, „летчикъ“ и т. д.

Идея мира, какъ извѣстно, занимаетъ очень большое мѣсто въ русскомъ сектантствѣ (возьмите, напримѣръ, духоборовъ) и въ проповѣди такого чисто русскаго мыслителя, какъ Левъ Толстой.

Однимъ словомъ, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что главная часть народной массы Россіи, ея крестьянство, съ древнихъ временъ не отличается воинственностью. Что же касается городского пролетаріата, то онъ въ лицѣ рабочей партіи выступалъ рѣшительнымъ противникомъ войны, съ самаго

пробужденія своего политическаго сознанія. Во время русско-японской войны, которая для Россіи не была справедливой и оборонительной, вождь русскаго пролетаріата тов. Плехановъ публично протянулъ братскую руку вождю японскихъ соціалистовъ тов. Катаямѣ на международномъ соціалистическомъ конгрессѣ. Да и вообще война съ Японіей, ведшаяся изъ за захватовъ на Дальнемъ Востокѣ, была осуждена русскими соціалистами, которые въ 1914 году не пошли за своимъ правительствомъ, какъ это —увы!— сдѣлали нѣмецкіе соціалисты въ настоящей войнѣ, хотя эта война со стороны Германіи есть предпріятіе грабительское и угнетательское.

Послѣ русско-японской войны русскіе соціалисты вели дѣятельную пропаганду противъ войны и за охраненіе европейскаго мира. Когда въ 1912 году осложненія на Балканахъ стали угрозой миру и влекли за собой возможность войны между Австрей и Россіей, русскіе соціалъ-демократы обратились къ австрійскимъ съ призывомъ содѣйствовать предотвращенію войны и со своей стороны дали клятву употребить всѣ усилія для того, чтобы предотвратить ее. Миролюбіе русскихъ соціалистовъ шло такъ далеко, что даже послѣ возникновенія нынѣшней войны, они отказывались, въ Думѣ, голосовать за военные кредиты, что было впрочемъ уже чрезмѣрнымъ преувеличеніемъ миролюбивыхъ чувствъ.

Какъ бы то ни было, но фактъ остается фактомъ: народныя трудовыя массы нашей страны не только не искали военнаго столкновенія съ Германіей, но были рѣшительно настроены противъ войны.

Возникаетъ вопросъ: но не было ли виновникомъ и зачинщикомъ нынѣшней войны старое русское правительство?

Всякому, извѣстно: что это правительство относилось совершенно нечестно и небрежно къ трудовымъ грошамъ и крови народа и что если бы оно признало нужнымъ, ради своихъ интересовъ, ввязать народъ въ войну, то оно, конечно, не задумалось бы сдѣлать это. Но дѣло въ томъ, что война противъ Германіи какъ разъ не была въ инте-

ресахъ русской реакціи, ибо послѣдняя всегда считала германское правительство своимъ лучшимъ другомъ.

Нѣмецкіе элементы съ 18-го вѣка играли видную роль въ русской консервативной политикѣ, ими были переполнены придворныя сферы и высшая бюрократія. „Истинно-русскіе“ люди изъ лагеря погромщиковъ обожали Вильгельма II и „Русское Знамя“ вполнѣ заслужило кличку „Прусскаго Знамени“. Марковъ II, за нѣсколько мѣсяцевъ до войны, призывалъ русское правительство къ союзу съ прусской реакціей противъ европейской демократіи. „Земщина“, во время войны, съ благословенія царской цензуры, не стѣснялась высказывать пожеланіе, чтобы монархія Гогенцоллерновъ раздавила союзницу Россіи, Французскую Республику. Черносотенецъ Булацель во время войны же старался подорвать въ Россіи довѣріе и симпатіи къ Англіи, дабы очистить въ русскихъ сердцахъ побольше мѣста для любви къ прусскому вахмистру. Что касается оффиціальныхъ правящихъ круговъ, то вся ихъ политика послѣдняго времени была сплошнымъ прислужничествомъ и трусостью передъ Германіей. Съ 1904 года вся международная политика русскаго самодержавія сводилась къ безпрерывному отступленію передъ воинствующимъ германизмомъ. Въ 1904 году самодержавіе предало Германіи экономическіе интересы Россіи, заключивъ съ Германіей такой торговый договоръ, главныя выгоды котораго достались нѣмцамъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ русское правительство, кичившееся своей мнимой ролью „защитника славянства“, предало Боснію и Герцеговину нѣмецко-австрійскому владычеству. Когда Николай II видѣлся съ Вильгельмомъ II въ Потсдамѣ, онъ еще разъ склонился передъ волей германскаго императора, обезпечивъ ему свободу дѣйствій на Балканахъ и въ Турціи. Въ военномъ отношеніи самодержавная Россія тоже отступала передъ нѣмцами. Достаточно сказать, что въ 1910 году наше бывшее правительство велѣло разоружить рядъ нашихъ крѣпостей на Западной границѣ и отодвинуть къ востоку главные пункты концентраціи русской арміи. Всѣ эти факты, и цѣлый рядъ другихъ, имъ подобныхъ, гово-

рятъ о томъ, что русское самодержавіе до того дорожило службой съ реакціонный кайзеризмомъ, что, во имя и ради этой дружбы, безцеремонно поступалось самыми существенными нуждами народа и даже нуждами государственной обороны.

До какой степени сами германское и австрійское правительства были увѣрены въ податливости русскаго, это видно изъ заявленія, которое сдѣлалъ австрійскій посолъ въ Берлинѣ англійскому послу за два дня до объявленія войны Германіей Россіи и уже послѣ нападенія Австріи на Сербію:

„Общеевропейская война,—сказалъ онъ,—совершенно невѣроятна, принимая во вниманіе, что Россія ни въ настроеніи (!), ни въ состояніи вести войну“.

IV.

Слова австрійскаго дипломата были пророческими по отношенію къ правящей самодержавной Россіи. Она, дѣйствительно, оказалась ни въ настроеніи, ни въ состояніи вести войну противъ австро-германскаго союза.

Это обнаружилось въ первые же дни войны. Въ своемъ манифестѣ 20 іюля 1914 года, по поводу объявленія войны Германіей Россіи, бывшій царь Николай II призывалъ народъ къ самоотверженности и къ забвенію внутреннихъ распрей. И народныя массы, въ самомъ дѣлѣ, проявили, при началѣ войны, большую самоотверженность и готовность на время прекратить внутреннюю борьбу во имя защиты родины. Какъ разъ передъ войной, въ Петроградѣ и другихъ мѣстностяхъ развивалось сильное забастовочное движеніе, которое стало уже выливаться въ уличныя манифестаціи. Была объявлена война, и забастовки немедленно прекратились, а революціонныя манифестаціи превратились въ патріотическія. Русскіе рабочіе проявили, въ этомъ случаѣ, глубокую государственную мудрость, жестоко обманувъ надежды Вильгельма, ко-

торый мечталъ, что волненія внутри Россіи облегчатъ ему побѣду надъ нашей родиной. Но зато правительство Николая II никакой мудрости не проявило и омрачило первые же дни патріотическаго воодушевленія своими несправедливыми, неумными и глубоко ошибочными дѣйствіями.

Достаточно указать хотя бы на такой вопросъ, какъ вопросъ объ амнистіи. Казалось бы, чего проще было понять, что призывъ къ «забвенію внутреннихъ распрей» долженъ былъ сопровождаться немедленнымъ освобожденіемъ всѣхъ сыновъ народа, заключенныхъ въ тюрьмы, отправленныхъ на каторгу и въ ссылку за сводолюбивыя политическія убѣжденія, религіозныя вѣрованія и національныя стремленія. Какъ можно было искренне вести войну за освобожденіе Сербіи и Бельгіи, если внутри самой Россіи дѣятели свободы оставались запертыми въ каменныхъ гробахъ тюремъ? Во всѣхъ воюющихъ странахъ объявленіе войны сопровождалось объявленіемъ амнистіи. Русское же правительство было настолько черство и неумно, что сочло приличнымъ звать солдатъ итти биться за свободу въ то время, когда сзади ихъ въ тюрьмахъ продолжали страдать ихъ лучшіе братья. Это было вопіющее противорѣчіе, прямая нелѣпость и издѣвательство, за которыя справедливость судьбы не могла не покарать самодержавіе.

Такимъ же вопіющимъ противорѣчіемъ, нелѣпостью и издѣвательствомъ была и національная политика самодержавія во время войны. Объявлена была манифестомъ борьба за освобожденіе Польши, и сейчасъ же послѣ вступленія русскихъ войскъ въ Галицію, туда потянулись реакціонные бюрократы, охранники, черносотенные епископы и прочіе „обрусители", одни имена которыхъ вызываютъ негодованіе. Эта дикая и глубоко анти-національная политика, конечно, сейчасъ же была использована германской и австрійской печатью, всѣми врагами Россіи, пораженцами и пр., которымъ были въ высшей степени на руку безобразія, творившіяся агентами стараго режима въ занятыхъ, благодаря геройскимъ усиліямъ русскихъ солдатъ, областяхъ. Въ Финляндскомъ вопросѣ та же нелѣпость. Вмѣсто

того, чтобы честной и прогрессивный политикой успокоить общественное мнѣніе Финляндіи и обезпечить дружественное настроеніе населенія этой страны, охраняющей непосредственный тылъ Петрограда, царское правительство вело въ Финляндіи все ту же реакціонную линію, держа въ ссылкѣ бывшаго предсѣдателя финляндскаго сейма, очень популярнаго въ Финляндіи, раздражая финновъ полицейскимъ гнетомъ и вызывая въ Финляндіи непріязнь къ Россіи.

Еще болѣе отвратительно было поведеніе правительства по отношенію къ евреямъ. Въ началѣ войны большинство еврейскаго населенія показало себя искренне патріотичнымъ передъ лицомъ войны. Если среди евреевъ нашлось нѣсколько лицъ, замѣшанныхъ въ нѣмецкій шпіонажъ, или продавшихся германскому правительству, какъ это, напримѣръ, сдѣлалъ извѣстный Парвусъ-Гельфантъ, то отсюда, конечно, не вытекало никакихъ обвиненій противъ всей еврейской націи, тѣмъ болѣе что главные предатели носили какъ разъ вполнѣ русскія имена Мясоѣдовыхъ и Сухомлиновыхъ. Однако русское правительство позволило этимъ главнымъ предателямъ сваливать вину съ себя на евреевъ, противъ которыхъ и была поднята огульная травля. Впечатлѣніе, произведенное этой травлей за-границей и, особенно, въ Соедин. Штатахъ, гдѣ живетъ масса евреевъ, было, разумѣется, крайне тягостнымъ, и нѣмецкіе агенты имѣли полную возможность использовать дѣйствія царизма по отношенію къ евреямъ для агитаціи противъ Россіи и ея союзниковъ.

А какъ поступало самодержавіе, во время войны, съ рабочими? Рабочіе, несмотря на всю свою справедливую ненависть къ старому режиму, сумѣли сохранить равновѣсіе и спокойствіе при объявленіи войны и даже прекратили стачечное движеніе во имя національной обороны. Правительство же не прекратило ни на минуту преслѣдованія рабочихъ организацій. Судебные процессы по обвиненіямъ въ «принадлежности» къ рабочей партіи не прекращались, и суровые приговоры выносились одинъ за другимъ.

Дѣло пяти соц.-дем. депутатовъ-большевиковъ весьма ярко характеризуетъ отношеніе старой власти къ рабочимъ массамъ. Эти пять рабочихъ депутатовъ IV-ой Думы судились, какъ извѣстно, въ февралѣ 1915 года и были отправлены въ ссылку за призывъ къ пораженію Россіи. Мотивомъ приговора послужилъ тотъ фактъ, что на собраніи этихъ депутатовъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ полицейскіе нашли у одного изъ собравшихся рукописный проектъ резолюціи, въ которой говорилось, что, для успѣха русской революціи, необходимо пораженіе русскихъ войскъ. Происхожденіе этого документа осталось невыясненнымъ. Ленинъ въ одномъ изъ номеровъ издававшейся имъ въ Швейцаріи газеты „Соціалъ-Демократъ“ заявилъ, что онъ „не знаетъ, какимъ провокаторомъ были подброшены пяти депутатамъ уличающіе ихъ документы“. Въ другомъ номерѣ той же газеты Ленинъ увѣрялъ нѣсколько позже, что пять депутатовъ стояли на его пораженческой точкѣ зрѣнія и сосланы именно за это. Но заявленія, сдѣланныя адвокатами, представлявшими на судѣ пять депутатовъ и обвинявшагося по тому же дѣлу. Ю. Каменева, равно какъ и заявленія самихъ обвиняемыхъ рѣшительно отвергали сочувствіе ихъ пораженчеству, а Каменевъ даже требовалъ вызова свидѣтелей, которые должны были установить, что онъ съ начала войны разошелся во взглядахъ съ Ленинымъ и признавалъ необходимость побѣды надъ германскимъ имперіализмомъ. Однако, судъ, приговоръ котораго былъ заранѣе готовъ, не считался съ этими заявленіями и отправилъ обвиняемыхъ въ Сибирь, давши возможность реакціонерамъ кричать на всѣхъ перекресткахъ, что соціалъ демократы — враги Россіи, желающіе пораженія русской арміи. Само собою разумѣется, что этотъ несправедливый приговоръ по дѣлу, состряпанному охранкой, могъ быть широко использованъ «пораженцами», которые и изображали пять сосланныхъ депутатовъ мучениками за идею пораженства, хотя сами депутаты отъ пораженства публично отреклись. Очень вѣроятно, что тѣ люди, которые состряпали процессъ пяти депутатовъ, такого результата именно и добивались. А что уже совершенно не-

сомнѣнно, такъ это то, что правительство сознательно желало въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, вызвать негодованіе рабочихъ и породить въ ихъ средѣ отвращеніе къ какому бы то ни было участію въ дѣлѣ народной обороны. Это входило въ расчеты тѣхъ сановныхъ пораженцевъ-германофиловъ, которые понимали, что активное вмѣшательство живыхъ силъ народа въ оборону страны должно привести къ организаціи народнаго движенія противъ старой власти, неспособной руководить національной обороной.

Ту же цѣль распыленія народныхъ силъ преслѣдовало старое правительство въ своей политикѣ по отношенію къ кооперативамъ, всероссійскому совѣщанію коихъ оно ставило препятствія, хотя ихъ вмѣшательство было бы крайне полезно для ослабленія хозяйственнаго кризиса и продовольственной неурядицы.

Даже земскій и городской союзы, составленные изъ умѣренныхъ въ политическомъ отношеніи цензовыхъ элементовъ и занимавшіеся огромной практической работой на армію по санитарному дѣлу, снабженію арміи разнымъ матеріаломъ, формированію рабочихъ дружинъ и пр.,— чѣмъ дальше, тѣмъ больше натыкались на совершенно глупое, но упорное противодѣйствіе со стороны реакц. власти. Противодѣйствіе это было тѣмъ болѣе нелѣпо, что правительство само было вынуждено оффиціально признавать необходимость участія земствъ и городовъ въ содѣйствіи дѣлу обороны страны, и высшіе представители военной власти постоянно отмѣчали плодотворность работы земск. и городск. организацій на фронтѣ. Назначая Трепова первымъ министромъ, бывшій царь Николай II предписалъ ему опираться въ своей правительственной дѣятельности на земства и города, и сейчасъ же послѣ этого правительство приняло грубыя полицейскія мѣры противъ совѣщаній представителей земскаго и городского союзовъ. Получалась, такимъ образомъ, какая то недостойная игра въ кошки и мышки, при чемъ роль кошки взяла на себя самодержавная власть и ея высшіе лакеи, а мышку пришлось изображать изъ себя злополучнымъ общественнымъ учрежденіямъ.

Эта же недостойная игра велась правительствомъ и съ Государственной Думой. Въ началѣ войны ей всемилостивѣйше позволили собраться, чтобы затѣмъ удалить ее на покой и устранить отъ участія въ оборонѣ страны. Послѣ кроваваго погрома русской арміи въ Галиціи и ея крестнаго отхода назадъ, Думу созвали вновь, подъ натискомъ народнаго негодованія, но стоило Думѣ заявить о своемъ несогласіи съ преступной и предательской политикой старой власти, какъ Горемыкинъ, съ спокойной наглостью, снова заперъ на ключъ двери залы Таврическаго дворца, и снова крысы могли строить себѣ гнѣзда въ опустѣлыхъ пюпитрахъ русскаго народнаго представительства. Черезъ нѣкоторое время, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія Россіи и союзныхъ странъ, царь изъявляетъ желаніе «примириться» съ Думой, и вскорѣ опять пинаетъ ее каблукомъ, чтобы закончить всю эту позорную трагикомедію угрозой роспуска при помощи военной силы, упустивъ, однако, изъ виду, что эта сила можетъ пойти не съ нимъ, а съ Госуд. Думой, что въ концѣ концовъ и случилось и что привело къ быстрому паденію стараго порядка.

Стараясь дезорганизовать и распылить общественныя силы, старая власть, однако, не могла выдѣлить изъ своей среды сколько-нибудь способныхъ государственныхъ дѣятелей. Министры смѣнялись одинъ за другимъ, но все это были или старые консервативные бюрократы, полувыжившіе изъ ума, какъ Горемыкинъ, или бѣсноватые реакціонеры вродѣ Щегловитова, или военные министры, опутанные дружбой нѣмецкихъ шпіоновъ, вродѣ Сухомлинова, или анекдотическіе персонажи съ «легкостью въ мысляхъ», вродѣ Маклакова, или психически больные индивидуумы, вродѣ маньяка Протопопова, возмечтавшаго о себѣ, что онъ—русскій Бисмаркъ, коему суждено—„спасти“ Россію при помощи особо дрессированныхъ городовыхъ-пулетчиковъ, или же просто-на-просто ничтожества, бездарности, которыя приходили на министерскіе посты и уходили съ нихъ, не сумѣвъ заслужить для себя даже негодующихъ воспоминаній современниковъ.

И весь этотъ хаосъ, нечистый и жалкій и вмѣстѣ съ

тѣмъ удручающій и отвратительный, управлялся или, вѣрнѣе говоря, использовался какимъ-то страннымъ закулиснымъ правительствомъ, въ составъ котораго входилъ и малограмотный сибирскій мужикъ, обильно одаренный тѣмъ, что писатель Щедринъ называлъ „способностями селезня", и банкиръ, нажившій милліоны изъ абсолютнаго ничего, и влюбленная въ сибирскаго мужика-селезня, царская фрейлина, и высшій православный іерархъ, и пара оглупѣвшихъ отъ дряхлости генераловъ, и, наконецъ, сама нѣмецкая принцесса, занесенная игрою судьбы на престолъ великой имперіи, слишкомъ огромной для ея разума, небольшого и къ тому же не вполнѣ здороваго. Мнѣніемъ и совѣтами этихъ людей считалъ нужнымъ руководиться нашъ бывшій царь, предпочитая ихъ голосу и волѣ всего народа.

Вотъ, какова была картина правящей Россіи въ годину великой войны, — въ то самое время, когда буржуазныя правительства союзныхъ Россіи странъ единодушно старались почиститься и приблизиться къ народу, пополняя свой составъ представителями самыхъ демократическихъ слоевъ, представителями соціалистическихъ партій.

V.

Одинъ англійскій писатель сказалъ недавно—это было до революціи въ Россіи,—что Россія и Пруссія имѣютъ одинаково скверное правительство, но въ то время, какъ русскій народъ сознаетъ, что онъ лучше своего правительства, пруссакъ искренне убѣжденъ, что его правительство гораздо лучше его.

Это превосходство русскаго народа надъ старымъ русскимъ правительствомъ существовало не только въ сознаніи лучшихъ элементовъ народной массы, но и въ дѣйствительности. И война какъ нельзя лучше показала это.

Сравните, поведеніе правительства отъ начала войны до паденія стараго строя съ поведеніемъ народа и вы легко увидите, насколько выше, дѣйствительно, оказался

народъ, чѣмъ власть, управлявшая имъ въ это трудное время.

Въ то время, какъ правительство заботилось только о своихъ узкоэгоистическихъ интересахъ и, пренебрегая интересами народа, старалось сохранить всѣ дурныя стороны стараго порядка, невзирая на то, что эта политика, жалкая и своекорыстная, губила дѣло народной обороны, народъ, въ лицѣ его сознательныхъ элементовъ, проявилъ изумительную выдержку и способность къ самопожертвованію. Я уже напоминалъ о томъ, какъ въ началѣ войны рабочіе прекратили стачечную борьбу во имя національной обороны. Послѣ пораженія русской арміи въ Галиціи государственному разуму пролетаріата пришлось выдержать другое трудное испытаніе, другой экзаменъ на аттестатъ политической зрѣлости. И онъ выдержалъ его. Я имѣю въ виду вопросъ объ участіи рабочихъ въ военно-промышленныхъ комитетахъ. Эти комитеты стали образовываться въ концѣ 1915 года, подъ вліяніемъ тяжелыхъ вѣстей объ отступленіи русскихъ войскъ въ Галиціи, когда обнаружилась неспособность правительства выполнить элементарныя обязанности по снабженію арміи снарядами и прочимъ боевымъ матеріаломъ. На обязанности военно-промышленныхъ комитетовъ должно было лежать содѣйствіе упорядоченію и увеличенію производства боевыхъ припасовъ. Само собою понятно, что было необходимо привлеченіе въ составъ комитетовъ представителей рабочаго класса, руками котораго производятся предметы вооруженія арміи. Возникъ вопросъ, должны ли сознательные рабочіе участвовать въ работѣ комитетовъ или нѣтъ. Въ Москвѣ, пролетаріатъ которой еще въ 1905 году вооруженной рукой завоевывалъ свободу, настроеніе руководящихъ слоевъ рабочей массы сразу же опредѣлилось въ пользу участія въ комитетахъ. И это было правильно, ибо отказъ отъ участія означалъ бы собою ничто иное, какъ бойкотъ рабочими дѣла народной обороны. Въ Петроградѣ колебанія были нѣсколько больше. Пораженцы развращали петроградскихъ рабочихъ своей проповѣдью отказа отъ участія въ оборонѣ страны. Пропсвѣдь эта

была полезна германофильствующей реакціи, которая черезъ своихъ агентовъ-провокаторовъ помогала пораженцамъ сбивать рабочихъ съ правильнаго политическаго пути. Не надѣясь, однако, имѣть большинство на собраніи уполномоченныхъ отъ рабочихъ, которое должно было рѣшить вопросъ объ избраніи делегатовъ въ центральный военно-промышленный комитетъ, ленинцы-пораженцы прибѣгли къ постыдной поддѣлкѣ, раздавъ часть билетовъ на входъ въ собраніе уполномоченныхъ своимъ людямъ, не выбраннымъ рабочими. Поддѣлка эта, несомнѣнно, происходила при попустительствѣ агентовъ реакціи, которая желала помѣшать рабочимъ участвовать въ оборонѣ страны. При помощи недостойнаго подлога пораженцы успѣли было создать мнимое большинство въ собраніи уполномоченныхъ и сорвать выборы въ военно промышленный комитетъ, но эта мнимая побѣда, достигнутая при помощи обмана, къ счастью, встрѣтила отпоръ со стороны дѣйствительныхъ представителей петроградскаго пролетаріата, во главѣ съ тов. Гвоздевымъ, добившимся созыва новаго собранія, уже безъ участія пораженцевъ, переряженныхъ рабочими. На новомъ собраніи уполномоченныхъ восторжествовало правильное мнѣніе, и рабочіе послали своихъ делегатовъ въ военно-промышленный комитетъ. Этотъ фактъ имѣлъ огромное значеніе, ибо онъ показалъ, что петроградскіе рабочіе умѣютъ дѣлать разницу между отечествомъ и правительствомъ и, справедливо ненавидя старое правительство, не приносятъ въ жертву этой ненависти интересы народа. Ошибка пораженцевъ въ томъ именно и заключалась, что они не умѣли отдѣлять интересы страны отъ интересовъ старой власти и, желая пораженія русской арміи, думали, что это будетъ пораженіемъ реакціоннаго правительства, тогда какъ въ дѣйствительности это было-бы пораженіемъ Россіи, ея народныхъ массъ. Петроградскіе рабочіе, во время рѣшенія вопроса объ участіи въ военно-промышленныхъ комитетахъ, не пошли за пораженцами и не отдѣлились отъ общенаціональной борьбы противъ внѣшняго завоевателя. Слава имъ за это!

Слава также и русскому крестьянству за его разумное

и благородное отношеніе къ войнѣ! Крестьянство не только приняло спокойно повторныя мобилизаціи, уводившія его сыновъ на поле брани, но и сумѣло справиться съ хозяйственнымъ разстройствомъ, которое не могла не вызвать война, лишившая деревню значительнаго количества рабочихъ рукъ и рабочаго скота. Во многихъ мѣстностяхъ Россіи была организована общественная помощь семьямъ запасныхъ, призванныхъ подъ знамена, мірская запашка и обсѣмененіе ихъ полей, сборы для нихъ денегъ и продовольствія и пр. Въ деревняхъ производились также сборы на подарки солдатамъ, на помощь раненымъ и т. д. Полунищая русская деревня дала все, что могла, на справедливое дѣло народной обороны,—свою кровь, свои матеріальныя средства, свое спокойное мужество.

Русская интеллигенція, въ своемъ большинствѣ, тоже принесла свою жертву на алтарь защиты страны отъ нашествія жестокаго врага. Изъ интеллигенціи брались живыя силы на пополненіе убыли въ офицерскомъ составѣ арміи; студенчество, призванное на краткосрочныя офицерскіе курсы, превращалось въ тысячи „прапорщиковъ юныхъ", безстрашно стоявшихъ подъ огнемъ рядомъ съ бородатыми крестьянами, годящимися имъ въ отцы. Интеллигенція же наполнила собою ряды работниковъ въ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ, въ санитарныхъ поѣздахъ, питательныхъ пунктахъ, летучихъ отрядахъ и пр. Эта положительная роль интеллигенціи, во время войны, тѣмъ болѣе замѣчательна, что среди извѣстной части ея до войны и во время войны царили упадочныя настроенія, наиболѣе яркимъ выраженіемъ которыхъ и явилось пораженчество. Психологически пораженчество отразило въ себѣ разочарованіе въ революціи и невѣріе въ силы народа, ибо для тѣхъ, кто вѣрилъ въ его силы и въ то, что народъ самъ сдѣлаетъ революцію, содѣйствіе побѣдоноснаго Гинденбурга было не нужно. Болѣе того: каждаго искренняго революціонера должны были глубоко возмущать эти жалкія холопскія надежды на то, что прусскіе генералы „освободятъ" Россію, перебивъ для этого русскихъ солдатъ, сопротивляющихся ихъ наглому вторженію въ нашу страну.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что участіе интеллигенціи въ въ войнѣ, ея непосредственное общеніе съ солдатской массой очень много сдѣлали для пробужденія политическаго сознанія послѣдней, и облегчили переходъ войскъ на сторону революціи.

VI.

Русскій народъ, въ лицѣ своихъ трудовыхъ массъ и интеллигенціи, принялъ войну противъ Германіи, считая ее оборонительной и справедливой. Нѣмецкая печать, не исключая и соціалъ-демократической, была крайне разочарована этимъ, ибо она надѣялась, что старый режимъ настолько развратилъ народныя массы нашей страны, настолько отучилъ ихъ отъ политической самостоятельности что онѣ окажутся неспособны понять силой разума и охранить силой оружія интересы родины, угрожаемой могущественнымъ врагомъ. Раздраженная тѣмъ, что народъ Россіи не захотѣлъ добровольно отдать себя на съѣденіе германскому имперіализму, нѣмецкая печать стала изображать нашъ народъ въ видѣ скопища жалкихъ рабовъ, послушныхъ кнуту своего господина и идущихъ на войну лишь изъ страха передъ нимъ. То же самое писала, къ сожалѣнію, и русская пораженческая пресса, издававшаяся до революціи въ Швейцаріи. Такъ напримѣръ, Ленинъ въ своей газетѣ „Соціалъ-Демократъ", выходившей въ Женевѣ, увѣрялъ, безъ всякаго стѣсненія, что русскихъ солдатъ гонятъ въ бой палками. Само собою разумѣется, что это публичное оплеваніе геройскаго самопожертвованія русскихъ войскъ доставляло величайшую радость всѣмъ германофиламъ и врагамъ Россіи.

Но, въ дѣйствительности, германофилы и пораженцы жестоко заблуждались или просто лгали. Въ дѣйствительности, наши народныя массы приняли эту войну не изъ рабскаго послушанія старому правительству и не изъ холопскаго страха, а повинуясь вѣрному чувству національ-

наго самосохраненія и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣчности. Ибо задачи самосохраненія Россіи въ этой войнѣ совпали съ задачей защиты болѣе слабыхъ народовъ, подвергшихся натиску съ стороны германизма и его сообщниковъ. Роковая судьба единокровной намъ Сербіи, на шею которой была наброшена мертвая петля австро-болгаро-турецкаго разбоя, жестокая участь маленькой Бельгіи, которая такъ мужественно, не щадя себя, преградила путь наглому завоевателю, страданія республиканской Франціи, родины революціи и свободы, благородное поведеніе Англіи, которая вошла въ войну по доброй волѣ и по доброй же волѣ поддержала Россію и ея союзниковъ,—все это, конечно, не могло не найти могучаго отклика въ душѣ народныхъ массъ Россіи и не создать у нихъ увѣренности въ томъ, что онѣ защищаютъ правое дѣло, борясь противъ Германіи съ оружіемъ въ рукахъ.

Наши пораженцы, называвшіе русскій народъ рабомъ за то, что онъ принялъ на себя тяготы освободительной войны, впали, по своей духовной слѣпотѣ, въ глубокую ошибку: плѣннаго рыцаря приняли они за раба.

Да, русскій трудовой народъ былъ въ плѣну у царизма. Да, онъ былъ въ оковахъ гнета и безправія и въ теченіе долгихъ лѣтъ напрягалъ всѣ силы, чтобы сбросить съ себя эти оковы. Великая война застала его еще несвободнымъ. Но когда онъ увидалъ передъ собою поверженное Германіей растоптанное копытами нѣмецкихъ уланъ, трепещущее отъ боли и обиды тѣло Бельгіи, когда онъ услышалъ стоны Сербіи и призывные крики французской и англійской демократій, онъ забылъ на время о томъ, что онъ самъ еще не освободился и скованной рукою поднялъ мечъ справедливой оборонительной войны. Во имя общихъ интересовъ европейскаго человѣчества и всего міра, нашъ трудовой народъ забылъ на время о своихъ собственныхъ страданіяхъ и, отложивъ на мгновеніе старые счеты съ своими внутренними врагами, присоединился къ борьбѣ европейской демократіи противъ германской монархіи и ея не менѣе хищныхъ союзниковъ. Можно ли винить за это нашъ народъ и не слѣдуетъ ли напротивъ преклo-

ниться передъ красотою великаго подвига самоотреченія и благородства?

Когда я думаю о положеніи русскаго народа, съ начала войны и до революціи, я вспоминаю всегда греческое сказаніе о Прометеѣ, котораго суровый богъ приковалъ къ скалѣ за то, что онъ похитилъ съ неба священный огонь стремленія къ истинѣ и познанію. Нашъ народъ былъ тоже долгіе-долгіе годы прикованъ къ утесу стараго порядка, неся несправедливую кару за свои порыванія къ свѣту и свободѣ. Онъ потрясалъ своими цѣпями, стараясь разорвать ихъ, но не могъ этого сдѣлать. Настала великая война, и скованный Прометей увидалъ, предъ собою, кромѣ своего стараго врага, еще одного, болѣе сильнаго и могущественнаго, желающаго поработить весь свѣтъ, раздавить желѣзной пятой „Европы вольность, честь и миръ", стать владыкой болѣе слабыхъ народовъ. Что было дѣлать народу Россіи, этому скованному титану-Прометею нашихъ дней? Продолжать внутреннюю борьбу, сокрушать свои собственныя цѣпи, разбивать утесъ самодержавія? Но вѣдь въ это время Бельгія, Франція, Англія были бы разгромлены Германіей. Нельзя было ждать ни минуты. Надо было спѣшить. И изумленный міръ узрѣлъ великое чудо: Прометей пошелъ на бой съ иноземнымъ насильникомъ и угнетателемъ, неся на своихъ плечахъ глыбу своего собственнаго угнетенія! Ибо надо было спѣшить и у нашего народа не было времени расковать свои цѣпи, сбросить бремя реакціи съ своей усталой спины.

Многимъ хотѣлось вѣрить, что старое правительство само пойметъ свой долгъ и добровольно уступитъ народу. Но это не случилось. Въ то время, какъ русская демократія проявила величайшую выдержку и крайне бережно отнеслась къ судьбамъ государства, самодержавіе съ жалкимъ эгоизмомъ продолжало цѣпляться за власть, принося въ жертву этому эгоизму самые существенные интересы страны. Въ то время, какъ группа русскихъ соціалистовъ-эмигрантовъ, дорожа будущимъ Россіи и Европы, призывала рабочихъ избѣгать неосторожныхъ вспышекъ и относиться осторожно даже къ стачкамъ, которыя могли

бы вредно отразиться на организаціи народной обороны, реакція умышленно провоцировала рабочихъ на революціонныя выступленія и забастовки, желая свалить на нихъ отвѣтственность за неисправное снабженіе арміи военными припасами и имѣть предлогъ для измѣны союзникамъ и заключенія позорнаго сепаратнаго мира, ссылаясь на то, что рабочіе дескать „бунтуютъ“ и мѣшаютъ правительству вести войну. Не даромъ же въ политическихъ кругахъ союзныхъ странъ ходили слухи о томъ, что при заключеніи съ сюзниками договора относительно войны русское правительство настаивало на внесеніи въ него особаго пункта, согласно которому, въ случаѣ возникновенія внутреннихъ „безпорядковъ“, царизмъ имѣетъ право считать себя свободнымъ отъ обязательствъ по отношенію къ союзникамъ. Насколько энергично старалась реакція вызвать среди рабочихъ недовольство и „безпорядки“, это видно изъ того факта, что оно не остановилось даже передъ арестомъ рабочей группы центр. военно-промышленнаго комитета. Эта группа руководимая тов. Гвоздевымъ, состояла, какъ извѣстно, изъ делегатовъ отъ рабочихъ, признававшихъ необходимымъ активно содѣйствовать оборонѣ страны, и арестъ ея шелъ совершенно въ разрѣзъ съ интересами обороны и былъ, несомнѣнно, разсчитанъ на то, чтобы отбить у рабочихъ-оборонцевъ какую бы то ни было охоту продолжать работу по содѣйствію оборонѣ.

Однако, чѣмъ больше старалось правительство помѣшать активной работѣ общественныхъ силъ на благо родной страны, тѣмъ упорнѣе отстаивали онѣ свое право на эту работу и въ то же время тѣмъ яснѣе и очевиднѣе становилось, что никакая совмѣстная работа съ старой властью для общества невозможна. По мѣрѣ продолженія войны, внутренняя жизнь Россіи попадала въ все болѣе роковое противорѣчіе. Съ одной стороны, во имя народной обороны и успѣшнаго веденія войны, необходимо было избѣгать такихъ внутреннихъ потрясеній, которыя могли бы разстроить тылъ и ослабить фронтъ. Съ другой стороны, преступная дѣятельность старой власти влекла страну и армію къ несомнѣнному краху и пораженію. Даже верхи

русскаго общества проникались сознаніемъ неминуемой катастрофы и даже среди нихъ стали находиться люди, которые признавали необходимость активнаго противодѣйствія правящей кликѣ и принялись оказывать это противодѣйствіе „своими средствами". Расправа съ Распутинымъ была проявленіемъ этого противодѣйствія. Что касается народныхъ низовъ, то имъ война дала рядъ такихъ наглядныхъ уроковъ политической мудрости, что царизмъ безнадежно погибъ въ сознаніи народа еще до своего дѣйствительнаго низверженія. Каждый солдатъ на своей шкурѣ испыталъ, чего стоитъ старый порядокъ, давшій власть надъ арміей предателямъ и ворамъ, оставившій армію безъ снарядовъ. Каждый обыватель и прежде всего рабочій людъ большихъ городовъ увидалъ, какъ бездарно и неспособно царское правительство, неразумныя мѣропріятія котораго увеличивали транспортную и продовольственную неурядицу, ведшую населеніе къ голоду. Наиболѣе искренніе и дальновидные изъ представителей старой власти сами сознавали, что у нихъ нѣтъ возможности выйти изъ положенія, созданнаго самодержавіемъ. За нѣсколько дней до переворота одинъ изъ членовъ кабинета откровенно заявилъ нѣкоторымъ членамъ Гос. Думы, что еще немного времени и войну нельзя будетъ продолжать, вслѣдствіе общей дезорганизаціи, хаоса, разстройства транспорта и продовольствія.

Самодержавная власть такъ низко пала во мнѣніи народа, что въ моментъ преворота ея носитель, бывшій царь Николай II, оказался лишеннымъ какой бы то ни было поддержки. Всѣ отступились отъ него и онъ очутился въ полномъ одиночествѣ среди абсолютной пустоты, гдѣ, кромѣ него, столь же одиноко и жалко болтались два дряхлыхъ генерала и адмирала съ нелѣпыми надеждами на то, что «триста георгіевскихъ кавалеровъ» придутъ и спасутъ монархію, или же съ измѣнническими планами о томъ, какъ бы открыть нѣмцамъ русскій фронтъ и вооруженной рукою врага охранить колеблющійся тронъ Романовыхъ. Всѣ остальные, въ томъ числѣ и многіе члены самой императорской фамиліи, отреклись отъ царя еще раньше, чѣмъ ему пришлось отречься отъ престола.

VII.

Трехъ дней вооруженной борьбы на улицахъ столицы оказалось достаточно для того, чтобы покончить съ самодержавіемъ, угнетавшимъ Россію въ теченіе трехсотъ лѣтъ. Численныя жертвы переворота въ Петроградѣ были сравнительно не велики, а въ другихъ мѣстностяхъ Россіи и совсѣмъ незначительны. Переворотъ произошелъ съ изумительной легкостью и быстротой. Чѣмъ объяснить это? Тѣмъ, что онъ возникъ и развивался на почвѣ войны, на почвѣ національной обороны. Именно это обстоятельство свело къ нулю число приверженцевъ и защитниковъ старой власти, отбросивъ въ ряды ея противниковъ даже консерваторовъ, въ родѣ де. Шульгина, который еще недавно былъ застрѣльщикомъ борьбы съ революціей, а теперь оказался среди людей, низвергнувшихъ самодержавіе. Отстаивать царизмъ во время войны значило губить страну, отдавать Россію на погромъ нѣмецкой арміи, помогать предательской работѣ тѣхъ, кто хотѣлъ опозорить Россію сепаратнымъ миромъ съ Германіей. Не удивительно, что даже среди консерваторовъ, среди самихъ приближенныхъ и родственниковъ бывшаго царя, нашлось немного людей, готовыхъ итти на все это.

Положительная роль, которую сыграла въ переворотѣ 4-ая Госуд. Дума, столь умѣренная въ своемъ составѣ, тоже объясняется тѣмъ фактомъ, что революція совершилась на почвѣ и во имя національной обороны. Дума, несомнѣнно, пріобрѣла популярность среди населенія во время войны. Населеніе смотрѣло на нее, какъ на залогъ спасенія отъ измѣны, духомъ которой, по глубокому убѣжденію народа, были пропитаны правительственные круги. Если рѣшенія Думы, ея выступленія противъ правительства привѣтствовались народомъ, то именно потому, что патріотическую дѣятельность Думы народъ противопоставлялъ измѣнническому поведенію германофильствующихъ реакціонеровъ, готовыхъ предать Россію Вильгельму II. И только подъ флагомъ борьбы съ измѣной, съ неспособностью

правительства организовать защиту страны, только на почвѣ народной обороны создалась и возможность образованія въ Думѣ прогрессивнаго блока, объединившаго въ оппозиціи къ старой власти думское большинство, и возможность возникновенія затѣмъ въ Думѣ же Исполнительнаго Комитета, который явился переходомъ къ Временному Революціонному Правительству.

Уходъ буржуазныхъ и даже части дворянскихъ элементовъ въ оппозицію, разрывъ ихъ съ правительствомъ самъ по себѣ еще, конечно, не представлялъ реальной опасности для старой власти. Эта опасность возникла лишь съ выступленіемъ на арену борьбы революціонной народной массы. Ея же побѣда оказалась осуществимой, лишь благодаря переходу войскъ въ лагерь революціи. Этотъ переходъ опять-таки былъ возможенъ лишь благодаря войнѣ. И это не только въ томъ смыслѣ, что солдаты, на своей собственной шкурѣ, испытали, насколько гнилъ и плохъ старый режимъ, оставлявшій ихъ безоружными передъ лицомъ непріятеля, но и въ томъ смыслѣ, что война съ повторными мобилизаціями измѣнила самый составъ арміи, вливая въ нее свѣжія массы людей, вышедшихъ прямо изъ народной толщи, взволнованной и разбуженной событіями войны и внутренней жизни. Могли ли стрѣлять въ народъ солдаты, только что бывшіе среди народа и народомъ, только что смѣнившіе крестьянскій армякъ и рабочую блузу на солдатскую шинель, не успѣвшіе еще отупѣть отъ казарменной муштры?

Измѣнился и офицерскій составъ. Прапорщики запаса, вышедшіе изъ рядовъ интеллигенціи, демократическіе элементы, которыхъ правительство вынуждено было допустить въ ряды офицерства въ виду убыли кадровыхъ офицеровъ, были и по своему соціальному составу и по своимъ взглядамъ совсѣмъ не то, что офицерство до войны. Впрочемъ и среди кадровыхъ офицеровъ-профессіоналовъ нашлось немало такихъ, которые исходя изъ чисто-военной, изъ узко-профессіональной точки зрѣнія, поняли несовмѣстимость старой власти съ достиженіемъ побѣды Россіи надъ Германіей. Какъ военные люди, они не могли не негодо-

вать на правительство, которое своей дѣятельностью облегчал торжество непріятельской арміи, и должны были придти къ выводу, что только смѣна правительства можетъ спасти положеніе на театрѣ военныхъ дѣйствій. Поэтому-то и оказались возможны такіе факты, какъ переходъ на сторону революціи лучшей части командного состава, во главѣ съ Алексѣевымъ, Рузскимъ и Брусиловымъ. Ничего подобнаго, разумѣется, не могло бы случиться, если бы революція не родилась подъ знакомъ обороны страны.

Успѣху революціи и легкости ея совершенія до чрезвычайности способствовало наконецъ и то обстоятельство, что она воспринималась значительной частью народа, какъ борьба съ германофильскими кругами и нѣмецкимъ вліяніемъ на внутреннюю жизнь Россіи и ея внѣшнюю политику. Родственныя связи бывшей царицы съ Германіей, наличность людей нѣмецкаго происхожденія среди наиболѣе крупныхъ бюрократовъ и придворныхъ чиновъ, слухи объ измѣнѣ, о сношеніяхъ высшихъ сферъ съ нѣмецкимъ правительствомъ, и наконецъ опасность сепаратнаго мира съ реакціонной Германіей,—мира, котораго, несомнѣнно желали и который подготовляли высшія сферы,—все это, вмѣстѣ взятое, очень осложнило и затруднило положеніе правительства, усиливъ недовѣріе къ нему въ народѣ! Довѣрія къ правительству и раньше было весьма мало, но во время войны съ Германіей, старая власть, въ довершеніе всего, стала представляться народу, какъ предательница національныхъ интересовъ, сообщница и пособница внѣшняго врага. И это окончательно погубило ее.

Я бы совѣтовалъ покрѣпче задуматься надъ этой стороной вопроса тѣмъ „соціалистамъ“ нашимъ, которые въ настоящее время, въ своемъ „интернаціоналистическомъ“ рвеніи, доходятъ до проповѣди сепаратнаго мира, какъ это сдѣлалъ одинъ изъ ленинцевъ на съѣздѣ делегатовъ съ фронта или какъ это сдѣлалъ одинъ изъ участниковъ совѣщанія Временнаго Правительства съ Исп. Комитетомъ Совѣта Раб. и Солд. Депутатовъ, послѣ петроградскихъ событій 20—21 апрѣля. Выступая очень рѣзко противъ

союзныхъ намъ демократическихъ странъ и очень нѣжно по отношенію къ Германіи, эти „соціалисты“ повторяютъ, въ сущности, печальный опытъ реакціонеровъ-германофиловъ, а опускаясь до презрѣнной идеи измѣны союзникамъ и сепаратнаго мира съ нѣмцами, они могутъ вызвать къ себѣ то же недовѣріе и тѣ же подозрѣнія, какія существовали среди населенія по отношенію къ реакціи. Это недовѣріе и эти подозрѣнія тѣмъ болѣе естественны, что реакціонное правительство Германіи и ея военныя и полицейскія власти самымъ явнымъ образомъ стараются использовать нашихъ соціалистовъ-германофиловъ въ своихъ интересахъ. Достаточно напомнить свободный проѣздъ черезъ Германію въ Россію, который нѣмецкія власти предоставили Ленину, Зиновьеву, а за ними Мартову, Аксельроду, Луначарскому, Натансону, Феликсу Кону и пр. Не мѣшаетъ, отмѣтить, что это вовсе не первое проявленіе любезности нѣмецкихъ властей по отношенію къ нашимъ несчастнымъ „интернаціоналистамъ“ и пораженцамъ, не нашедшимъ въ себѣ достотчно гордости и корректности, чтобы съ презрѣніемъ отклонить эту любезность. Совершенно неправы тѣ, кто увѣряетъ, будто нѣмецкія власти сдѣлались любезны къ русскимъ интернаціоналистамъ по случаю революціи и амнистіи. Въ дѣйствительности, использованіе нашихъ пораженцевъ правительствами враждующихъ съ нами странъ началось уже давно. Такъ, напримѣръ, еще осенью 1914 года, Ленинъ и и Зиновьевъ, проживавшіе тогда въ Австріи и арестованные, какъ русскіе подданные, въ австрійской деревушкѣ, близъ Кракова, были освобождены и отпущены въ Швейцарію по личному распоряженію убитаго впослѣдствіи тов. Адлеромъ австрійскаго министра, графа Штюргка, который отдалъ это распоряженіе объ освобожденіи Ленина и Зиновьева, очевидно, на томъ основаніи, что признавалъ ихъ отношеніе къ войнѣ и ихъ пропаганду очень [illegible] и полезными, съ точки зрѣнія австрійскаго правительства. Въ 1915 году, весною, извѣстный агентъ турецкаго и нѣмецкаго правительствъ Парвусъ поставилъ въ связь съ нѣмецкимъ консульствомъ въ Цюрихѣ цѣлый рядъ россій-

скихъ эмигрантовъ, Зурабова, г-жу Е. Громанъ, Перазича и др., и этимъ лицамъ былъ тогда же предоставленъ высшими военными и полицейскими властями Германской имперіи свободный проѣздъ черезъ эту далеко не свободную и воюющую съ Россіей страну. Замѣтьте, что вѣдь это только часть и, вѣроятно, небольшая часть того, что имѣется въ области этихъ печальныхъ фактовъ.

Сопоставьте съ любезностью по отношенію къ россійскимъ интернаціоналистамъ всѣ тѣ подлости, которыя то же нѣмецкое правительство продѣлываетъ съ нашими бѣдными плѣнными солдатами. При побѣгахъ изъ плѣна ихъ не везутъ съ почетомъ на русскую границу, а травятъ собаками по лѣсамъ и болотамъ и убиваютъ, какъ дикихъ звѣрей,— и вы легко поймете, какую непоправимую ошибку сдѣлали тѣ малодушные люди, которые, будучи русскими революціонерами и соціалистами, унизились до того, что соглашались пользоваться милостью и покровительствомъ австрійскихъ и нѣмецкихъ властей во время войны.

Возвращаясь къ вопросу о тѣхъ условіяхъ, которыя облегчили революціонный переворотъ въ Россіи, надо отмѣтить сочувствіе, которое онъ вызвалъ къ себѣ со стороны демократіи союзныхъ странъ.

Неудачи, которыя терпѣла русская армія, скандальныя событія, въ родѣ дѣла Мясоѣдова и исторіи Сухомлинова, происходившія въ командномъ составѣ, конечно, не могли не безпокоить общественное мнѣніе Англіи и Франціи, которыя поставили на карту, въ этой войнѣ, все свое будущее и отдали на алтарь побѣды надъ германскимъ имперіализмомъ всѣ свои силы. Несмотря на то, что французская и англійская печать, въ своемъ большинствѣ, привыкли быть очень сдержанными въ оцѣнкѣ и критикѣ внутреннихъ дѣлъ Россіи, уже въ 1915 году въ органахъ этой печати стали появляться статьи, выражавшія недоумѣніе и недовольство по поводу дѣятельности русской „бюрократіи“. Въ 1916 году это недоумѣніе и недовольство все возрастаютъ. Одинъ изъ крупныхъ парижскихъ журналовъ умѣреннаго направленія („La Revue de Paris“, выходящій подъ редакціей извѣстнаго беллетриста Марселя Прево и

историка Лависса) выступаетъ лѣтомъ 1916 года съ убійственной характеристикой положенія вещей въ Россіи, распространяя свои разоблаченія и на тѣ сферы, которыя принято было называть „высшими" и высота которыхъ, въ дѣйствительности, была на уровнѣ Григорія Распутина. Англійская пресса тоже выражала все болѣе и болѣе энергично свое негодованіе по поводу политики русскаго правительства. Но и англійская и французская печать не ждала и не хотѣла революціоннаго кризиса въ Россіи. Она боялась, что революціонный кризисъ можетъ породить неурядицу внутри нашей страны и ослабить ея военную мощь, а во время войны сохраненіе этой мощи стояло для союзниковъ на первомъ планѣ, что, разумѣется, вполнѣ понятно. Поэтому французы и англичане, критикуя внутреннюю политику Россіи, стояли на точкѣ зрѣнія необходимости найти конституціонный выходъ и этотъ выходъ они видѣли въ добровольной уступкѣ царя требованіямъ „прогрессивнаго блока" и въ соглашеніи между Думой и короной при помощи образованія министерства изъ лицъ, которыя пользовались бы довѣріемъ Думы. Французское и англійское общественное мнѣніе было на сторонѣ Думы противъ «бюрократіи», огорчалось, когда «бюрократія» распускала Думу, радовалось, когда царь «шелъ навстрѣчу» Думѣ и т. д. Однако надежды союзной демократіи на мирное разрѣшеніе спора между царской властью и народомъ въ Россіи не оправдывались; положеніе внутри Россіи становилось все болѣе острымъ и напряженнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ становилось все болѣе очевиднымъ, что «бюрократія» не только не согласна уступить народу, но напротивъ разжигаетъ столкновеніе. Что всего болѣе тревожило нашихъ союзниковъ, это становившіеся все болѣе и болѣе настойчивыми и опредѣленными слухи о германофильствѣ нашихъ бывшихъ правящихъ сферъ. Послѣ появленія у власти Штюрмера во Франціи и Англіи стали говорить уже о томъ, что русскіе реакціонеры и придворная клика замышляютъ сепаратный миръ съ Германіей и готовятся измѣнить союзникамъ. Это вызвало сильнѣйшую тревогу въ союзныхъ странахъ, ибо измѣна Россіи привела бы ихъ къ

пораженію. И когда въ союзныя страны пришло извѣстіе о происшедшемъ у насъ революціонномъ переворотѣ, оно было встрѣчено даже умѣренными элементами очень сочувственно, ибо переворотъ представлялся союзникамъ, какъ залогъ возрожденія военной мощи Россіи и какъ гарантія противъ измѣны и сепаратнаго мира. Союзники полагали, что русскіе сдѣлали революцію во имя національной обороны и побѣды, что самодержавіе низвергнуто, потому что оно не только не умѣло и не хотѣло привести страну къ побѣдѣ надъ германскимъ имперіализмомъ, но напротивъ искало сдѣлки съ нѣмецкой реакціей, чтобы при помощи ея укрѣпить свое владычество надъ народомъ.

Русская революція была понята союзными демократіями, какъ шагъ впередъ къ общей побѣдѣ, и такое представленіе о ней, конечно, обезпечивало ей самый восторженный пріемъ въ союзныхъ странахъ. Русскій народъ разбилъ свои цѣпи, чтобы свободной рукой крѣпче держать мечъ справедливой войны за свободу свою и всей Европы,— такъ думали наши союзники и, думая такъ, они горячо привѣтствовали нашу революцію.

Атмосфера сочувствія, которую нашелъ нашъ государственный переворотъ въ союзныхъ демократіяхъ, имѣла для насъ огромное значеніе, ибо она облегчила существованіе освобожденной Россіи и веденіе ею дѣла національной обороны. Присоединеніе Соединенныхъ Штатовъ къ союзникамъ, несомнѣнно, стоитъ въ опредѣленной связи съ освобожденіемъ Россіи. Царизмъ служилъ большимъ препятствіемъ къ тому, чтобы свободная американская республика пошла вмѣстѣ съ союзниками. Паденіе царизма, устранивъ это препятствіе, вмѣстѣ съ тѣмъ облегчило и положеніе самой Россіи, ибо обезпечило намъ широкую финансовую поддержку со стороны Соединенныхъ Штатовъ, вступившихъ немедленно въ союзъ со свободной Россіей. Соедин. Штаты, какъ и другіе наши союзники, намѣрены оказать намъ и уже оказываютъ также энергичную помощь техническими средствами и присылкой спеціалистовъ, которыхъ такъ не хватаетъ намъ. Въ этомъ смыслѣ, силы Россіи очень много выиграли отъ революціи,

сблизившей насъ морально и политически съ демократіями Запада.

XIII.

Хотя революція, въ основѣ своей, какъ видно изъ всего предыдущаго, возникла на почвѣ войны и въ интересахъ національной обороны, однако, этотъ основной характеръ и значеніе переворота затемнились, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ времени и мѣста.

Если бы непосредственный толчокъ къ государственному перевороту исходилъ съ фронта, изъ дѣйствующей арміи, или изнутри страны, но изъ такого центра, какъ Москва, гдѣ все время войны господствуетъ рѣшительное и твердое желаніе вести войну до побѣды, то переворотъ, несомнѣнно, съ самаго начала получилъ бы и сохранилъ бы революціонно-*патріотическій* характеръ и связь внутренней перемѣны съ задачами обороны страны не прервалась бы и не затушевалась бы ни на мгновеніе. Идея революціи и идея справедливой войны совпали бы и взаимно подкрѣпляли бы и усиливали бы одна другую. И нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ случаѣ революціонный энтузіазмъ народа, только что освободившагося отъ тиранніи внутри своей страны, перелился бы въ пламенный порывъ борьбы противъ внѣшняго угнетателя, противъ чужеземнаго тирана-завоевателя. Русская революція стала бы сейчасъ же гигантской освободительной силой міра и ударомъ своего меча сокрушила бы опасность прусскаго деспотизма, попирающаго демократическіе народы Европы. Русскія революціонныя войска произвели бы одновременно съ союзными арміями рѣшительный натискъ на арміи кайзера, вторгнувшіяся въ предѣлы нашей и союзныхъ странъ, и война быстро закончилась бы пораженіемъ нѣмецкихъ войскъ.

Къ сожалѣнію, дѣйствительное развитіе событій внутри Россіи и на полѣ военныхъ дѣйствій имѣло иной характеръ. Революціонный переворотъ не вызвалъ немедленнаго уси-

ленія боевой мощи русской арміи и готовности ея итти въ наступленіе на армію кайзера, во имя свободы. Даже напротивъ, какъ тылъ, такъ и фронтъ стали подвергаться распаду и разложенію, шедшему такъ быстро и зашедшему такъ далеко, что всего черезъ два мѣсяца послѣ революціи, въ торжественномъ засѣданіи Государственной Думы четырехъ созывовъ 27 апрѣля 1917 г., тогдашній военный министръ временнаго правительства А. И. Гучковъ долженъ былъ публично заявить, что страна находится уже не просто въ опасности, а на краю гибели. Что это заявленіе не было крикомъ „испуганнаго буржуа", это видно изъ того, что нѣсколько дней спустя тов. Керенскій сказалъ то же самое на съѣздѣ делегатовъ фронта, при чемъ Керенскій настолько прискорбно оцѣнивалъ положеніе дѣлъ въ Россіи черезъ два мѣсяца послѣ революціи, что даже высказалъ сожалѣніе, что не умеръ въ первый день ея, дабы имѣть счастливую возможность не видѣть всей той моральной, политической, матеріальной и военной разрухи, которая стала водворяться въ странѣ на другой день послѣ паденія стараго строя, т. е. въ тотъ самый моментъ, когда, казалось бы, открылся столь широкій просторъ для упорядоченія внутренней жизни Россіи, для государственнаго строительства, для укрѣпленія боевой мощи русской арміи, защищающей родину отъ завоевателя.

Какія причины привели къ этому печальному положенію?

Среди причинъ этихъ надо, какъ я уже сказалъ, отмѣтить то обстоятельство, что революція получила свой непосредственный толчокъ не съ фронта, а изъ тыла, и при томъ изъ того особаго тыла, который носитъ имя Петрограда. Ближайшимъ поводомъ къ началу революціоннаго движенія былъ, какъ извѣстно, продовольственный вопросъ. Населенію Петрограда не хватило хлѣба и оно вышло на улицу, требуя хлѣба.

Начавшись въ видѣ стихійнаго голоднаго бунта, движеніе приняло затѣмъ революціонно-политическій характеръ и въ значительной своей части получило организованную форму, выраженіемъ которой явились Совѣты Рабочихъ

и Солдатскихъ Депутатовъ. Тѣмъ не менѣе элементъ стихійнаго бунтарства сохранился въ движеніи и далъ благодарную почву для распространенія анархическихъ идей, особенно, въ тѣхъ случаяхъ, когда эти идеи распространяются не прямо подъ флагомъ анархизма, а подъ флагомъ „соціалъ-демократіи", какъ это дѣлаютъ Ленинъ и его помощники. Отличительной чертой вульгарнаго анархизма является то, что въ то время, какъ научный соціализмъ старается прежде всего разрѣшить проблему организаціи *производства*, вульгарный анархизмъ сосредоточиваетъ свое вниманіе исключительно на вопросѣ о *потребленіи*. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что среди вульгарныхъ анархистовъ пользуются особымъ предпочтеніемъ призывы къ „захвату" частной собственности отдѣльными группами и лицами, при чемъ этотъ захватъ, естественно, переходитъ довольно легко въ простую уголовщину со взломомъ и безъ взлома. Примѣровъ сколько угодно дали событія нашихъ дней, и, въ частности, особая исторія особняковъ г-жи Кшесинской и г. Лейхтенбергскаго.

Сущность вульгарнаго анархизма заключается въ томъ, что онъ не умѣетъ возвыситься до общественной, до общегосударственной точки зрѣнія, а продолжаетъ оставаться въ области частныхъ интересовъ, превращая соціальную борьбу изъ борьбы классовъ въ борьбу группъ и лицъ. Частный личный эгоизмъ пышно распускается на этой почвѣ.

Это ярко сказалось и въ вопросѣ о войнѣ. Въ то время, какъ люди, оставшіеся вѣрными общественной точкѣ зрѣнія, какъ напримѣръ Плехановъ, Е. Брешко-Брешковская и Кропоткинъ, борются противъ того насилія, которое германскій имперіализмъ совершаетъ надъ Россіей и Европой, Ленинъ и прочіе, скатившіеся къ вульгарному анархизму, эксплуатируютъ эгоистическія чувства усталости, трусости, жадности, пренебреженія къ интересамъ цѣлаго, во имя шкурныхъ побужденій. Всякій, кто хочетъ уклониться отъ выполненія своего воинскаго и гражданскаго долга, находитъ въ лозунгахъ Ленина великолѣпный предлогъ и оправданіе своего малодушія или своей безсовѣстности

Вотъ, почему отнюдь не будетъ преувеличеніемъ сказать, что ленинство есть глубоко противообщественное и реакціонное явленіе.

Революціонное движеніе, вспыхнувшее послѣ двухъ съ половиной лѣтъ войны, въ обстановкѣ утомленія войной, встрѣтило въ Петроградѣ нѣкоторыя особыя условія, исказившія его глубоко національный характеръ. А именно, въ Петроградѣ тонъ задавали, въ области политическихъ настроеній, интеллигентскіе кружки и группки, въ составѣ которыхъ такъ много людей, лишенныхъ вѣры въ народъ и активность. „Пораженчество" съ его вѣрой и надеждой на внѣшнее содѣйствіе революціи со стороны Гинденбурга и было выраженіемъ этого невѣрія и разочарованности, ибо тому, кто вѣритъ, что народъ самъ освободитъ себя, не нужна помощь Гинденбурга.

Наша интеллигенція, не исключая и партійной, слишкомъ часто состоитъ не столько изъ революціонеровъ, сколько изъ резолюціонеровъ, не понимающихъ, что принимать резолюціи и дѣлать революцію еще не одно и то же. Это предпочтеніе пустыхъ формулъ и никчемныхъ словъ конкретной революціонной работѣ насквозь проникаетъ собою все такъ называемое „интернаціоналистское" теченіе въ теперешнихъ соціалистическихъ кругахъ. „Война есть зло"! „Да здравствуетъ братство народовъ и Интернаціоналъ",—кричатъ эти люди и совершенно не задумываются надъ тѣмъ, что если война есть зло, то для каждаго изъ насъ обязательна борьба съ тѣмъ конкретнымъ воплощеніемъ этого зла, какимъ сейчасъ является германскій имперіализмъ; и что именно тотъ, кто признаетъ братство народовъ, обязанъ особенно энергично бороться съ нарушителями этого братства, съ завоевателями и угнетателями, какими сейчасъ являются нѣмецкіе имперіалисты и соціалъ-демократы, поддерживающіе ихъ.

То, что для европейскаго ученаго есть лишь гипотеза, для русскаго мальчика является аксіомой,—говорилъ Достоевскій. Это изреченіе часто вспоминаю я теперь, когда наблюдаю дѣятельность (и бездѣятельность) „русскихъ мальчиковъ" изъ среды интеллигентовъ, нерѣдко обладаю-

щихъ уже совсѣмъ не мальчишескими бородами, усами и лысинами. Многіе изъ нихъ называютъ себя марксистами и въ то же время совершенно пренебрегли завѣтами Маркса, который такъ усиленно настаивалъ на томъ, что истина должна быть конкретна и что практикой долженъ человѣкъ доказать правильность и реализмъ своего мышленія. Марксъ, въ свое время, призывалъ европейскую демократію къ наступательной войнѣ противъ русской реакціи, а скорбные главою „русскіе мальчики" отрицаютъ за Россіей право даже на оборону отъ нападенія со стороны русской реакціи.

Проповѣдь пораженцевъ и мнимыхъ «интернаціоналистовъ» въ Россіи тѣмъ болѣе опасна, что она ведется въ странѣ, гдѣ страшный вѣковой гнетъ отучалъ народъ отъ активной политической дѣятельности прививалъ ему чувства покорности судьбѣ и пассивности; въ странѣ, гдѣ создавались секты бѣгуновъ и самосожигателей, уходившихъ отъ борьбы со зломъ въ лѣса и въ огонь, гдѣ создалось толстовство, непротивленіе злу насиліемъ. Прибавьте сюда огромную наивность сѣрыхъ массъ, ихъ непріязнь ко всему казенному и государственному и въ то же время ихъ довѣрчивость, уваженіе къ каждому напечатанному или сказанному „ораторомъ" слову, и вы поймете, какой колоссальный вредъ могла приносить и принесла проповѣдь «интернаціонализма» въ русскихъ условіяхъ.

Не мѣшаетъ отмѣтить, наконецъ, и то обстоятельство, что дѣятели стараго режима, мечтавшіе о сепаратномъ мирѣ, дѣлали все отъ нихъ зависѣвшее для того, чтобы ослабить боевой духъ народа и арміи и подготовить ихъ къ идеѣ соглашенія съ врагомъ. Та травля союзниковъ, которая сейчасъ ведется нѣкоторыми изъ такъ называемыхъ «крайнихъ лѣвыхъ», вѣдь она до революціи велась крайними правыми, которые съ неменьшимъ, чѣмъ Ленинъ, пыломъ убѣждали народъ, что англичане народъ разбойническій и грабительскій и что Германія отнюдь не хуже, а даже много лучше Франціи и Англіи.

Я могъ бы отмѣтить и еще цѣлый рядъ совпаденій въ той пропагандѣ, которую ведетъ Ленинъ и др., съ тою,

которую вели наши реакціонные германофилы, но въ этомъ нѣтъ необходимости. Гораздо болѣе важно указать народу, что пропаганда Ленина и др. можетъ облегчить и облегчаетъ дѣло контръ-революціи. А это неоспоримо.

Наряду съ тѣми элементами петроградской соціалистической интеллигенціи, которые напримѣръ какъ, гг. Сухановы и т. п. были объединены вокругъ горьковской пораженческой „Лѣтописи", другая ея часть, не будучи пораженческой, была настроена болѣе или менѣе интернаціоналистически и, не понявъ сущности міровой войны, вѣрила въ возможность прекращенія ея путемъ циммервальдскихъ конференцій, словесныхъ увѣщаній по адресу германской с.-д-тіи и т. п. Къ этой категоріи относилась и соц.-дем. фракція 4-ой Думы, во главѣ съ тов. Чхеидзе. Уклонъ въ эту сторону былъ даже у тов. Керенскаго, до революціоннаго переворота.

Изъ этихъ двухъ категорій партійной интеллигенціи и рекрутировались первые руководители революціонной организаціи солдатъ и рабочихъ, когда она стала возникать въ Петроградѣ, въ видѣ Совѣта Раб. и Солд. Депутатовъ. Получилось, такимъ образомъ, противорѣчіе между общимъ характеромъ переворота и его происхожденіемъ и общимъ направленіемъ „вождей" революціонной массы. Это противорѣчіе сейчасъ же дало себя знать и до сихъ поръ еще даетъ себя знать, хотя мало-по-малу движущія силы революціи подчиняютъ себѣ волю руководителей революціонной организаціи.

Напомню нѣсколько фактовъ:

Однимъ изъ первыхъ дѣйствій Исп. Комитета Петроградскаго Совѣта Раб. и Солд. Депутатовъ былъ изданный при участіи Керенскаго извѣстный „приказъ, №, 1" одинъ изъ пунктовъ котораго призывалъ солдатъ съ недовѣріемъ относиться ко всѣмъ офицерамъ вообще. Какъ далекъ этотъ приказъ, если не по времени, то по духу, отъ приказа, изданнаго Керенскимъ 12 мая и призывающаго солдатъ и офицеровъ къ взаимному довѣрію и уваженію, а солдатъ къ безпрекословному исполненію боевыхъ распоряженій начальниковъ! Если приказъ № 1 могъ усилить распадъ и

дезорганизацію, то нынѣшніе приказы Керенскаго, какъ военнаго министра, напротивъ направлены къ установленію дисциплины и организованности въ войскахъ.

Другими характерными показателями того, какъ велѣнія жизни преодолѣваютъ заблужденія лидеровъ, являются рѣшенія Исп. Комитета Совѣта Раб. и Солд. Депутатовъ объ отношеніи къ займу и о коалиціонномъ министерствѣ. Относительно займа Исп. Комитетъ сперва рѣшилъ „обождать" съ вопросомъ, поддерживать или не поддерживать заемъ, что равнялось, въ сущности, отказу отъ поддержки, но, немного погодя, онъ принялъ резолюцію о необходимости поддержать заемъ. Исторія съ коалиціоннымъ министерствомъ еще болѣе показательна. Какъ извѣстно, среди соц.-дем. группъ, только одна группа «Единство» съ самаго начала и безъ колебаній заявила, что соціалисты обязаны войти въ коалиціонное министерство. Всѣ прочіе либо уклонялись отъ прямого отвѣта, либо отвѣчали отрицательно. Исп. Комитетъ Совѣта Раб. и Солд. Деп. тоже далъ сперва отрицательный отвѣтъ, отклонивъ участіе соціалистовъ въ коалиціонномъ министерствѣ (большинствомъ одного голоса!) Но нѣсколько дней спустя тотъ же Исп. К-тъ былъ вынужденъ отмѣнить свое рѣшеніе и высказаться (на этотъ разъ значительнымъ большинствомъ) за вступленіе въ коалиціонное министерство. Измѣнилось, повидимому, и общее отношеніе Исп. К-та къ войнѣ. 14 марта онъ издалъ посланіе къ народамъ міра, пытаясь словеснымъ увѣщаніемъ заклясть нѣмцевъ, а два мѣсяца спустя былъ вынужденъ издать посланіе уже не ко всѣмъ народамъ, а только къ русскимъ солдатамъ, приглашая ихъ быть готовыми къ наступленію на нѣмцевъ.

Такъ постепенно выпрямляется линія поведенія руководящаго органа петроградскаго пролетаріата и арміи. Къ сожалѣнію, время не ждетъ. Не будь войны, можно было бы ждать терпѣливо, но событія на театрѣ военныхъ дѣйствій развертываются своимъ порядкомъ и требуютъ отъ политическихъ дѣятелей откликовъ быстрыхъ и рѣшительныхъ. Въ то время, какъ въ Петроградѣ, революціонный штабъ поворачиваетъ на болѣе или менѣе правильный путь, на

фронтѣ, милліонная солдатская масса еще питается лозунгами, которые были даны ей въ первые дни революціи.

Каковы были эти лозунги? Ихъ основной недостатокъ заключался въ томъ, что они не учитывали совершенно того несомнѣннаго и главнаго факта, что революція была порождена войной и что, только оставаясь на почвѣ войны, претворяясь изъ внутренняго переворота въ могучее стремленіе дать революціонно-военный отпоръ внѣшнему врагу, она могда идти впередъ. Между тѣмъ, вмѣсто призывовъ къ этому отпору, изъ Петрограда летѣли или лучше сказать ползли на фронтъ никчемныя „интернаціоналистскія“ слова, авторы которыхъ забывали, что если интернаціонализмъ есть признаніе равенства всѣхъ народовъ и ихъ права на свободное развитіе, то именно интернаціонализмъ и требуетъ вооруженной борьбы съ захватчиками чужой территоріи, угнетателями чужого народа. Забывали они также и то, что ихъ пацифистскіе и „интернаціоналистскіе“ лозунги воспринимаются солдатами въ окопахъ просто и безъ мудрствованій лукавыхъ. Когда солдатъ читаетъ, что Исп. Комитетъ обратился къ народамъ міра, въ томъ числѣ и къ воюющимъ съ нами народамъ, съ призывомъ бороться за миръ; когда солдатъ слышитъ, что Исп. Комитетъ послалъ деп. Скобелева на мирную конференцію съ нѣмецкими соціалъ-демократами въ Стокгольмъ, солдату представляется что война уже закончена, что завтра будетъ объявлено перемиріе. А если такъ, то къ чему же продолжать боевую подготовку, къ чему поддерживать желѣзную дисциплину, бороться съ дезертирствомъ, сохранять добрыя отношенія съ офицерствомъ?

Вдобавокъ наши солдаты въ своемъ большинствѣ,—крестьяне. Мечта о землѣ владѣетъ ихъ умами. И когда изъ дворца Кшесинской, съ одной стороны, изъ нѣмецкихъ окоповъ—съ другой къ нимъ летятъ прокламаціи, призывающія ихъ спѣшить въ деревню, чтобы успѣть принять участіе въ немедленномъ раздѣлѣ земли, многіе изъ нихъ не могутъ устоять передъ соблазномъ и бросаютъ ружье, чтобы итти „дѣлить землю.“ Въ результатѣ — огромная

цифра дезертировъ, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда армія должна быть особенно сильной, особенно тѣсно сплоченной.

Дезорганизація и распадъ охватили собою и тылъ. Эгоизмъ сталъ преодолѣвать общественную и государственную точку зрѣнія. Капиталисты, наживавшіеся на военныхъ заказахъ, на дороговизнѣ продуктовъ, на безудержной спекуляціи не обнаружили желанія поступиться своими частными выгодами ради всей страны, проявляя не только постыдную жадность, но и непониманіе того, что эта жадность приведетъ ихъ въ концѣ-концовъ къ гораздо большимъ потерямъ, чѣмъ готовность къ уступкамъ. Въ свою очередь, и нѣкоторыя группы рабочихъ вставали на точку зрѣнія узкой групповой выгоды, вмѣсто того, чтобы встать на точку зрѣнія общихъ классовыхъ интересовъ пролетаріата, которые требуютъ иногда подчиненія имъ интересовъ групповыхъ, и въ своихъ экономическихъ выступленіяхъ не всегда считались съ положеніемъ производства и съ нуждами національной обороны. Продовольственный кризисъ, разстройство транспорта, стихійные бунты и погромы, экспропріаціи уголовнаго характера, хотя бы и подъ фирмой революціонныхъ организацій, пренебреженіе къ власти и его распоряженіямъ, все это создало въ странѣ такую атмосферу неустойчивости и анархіи, что члены правительства стали открыто заявлять народу о томъ, что Россія на краю гибели. И это, конечно, не преувеличеніе.

Зловѣщіе признаки внутренняго разложенія не могли, разумѣется не отразиться и на внѣшнемъ положеніи Россіи. Союзныя демократіи, которыя привѣтствовали русскую свободу, какъ залогъ собственнаго своего освобожденія отъ нѣмецкой опасности, стали испытывать вполнѣ законную тревогу и неудовольствіе, видя, что военная мощь Россіи ослабѣваетъ и что германскій генеральный штабъ имѣетъ возможность, пользуясь этимъ ослабленіемъ, брать съ русскаго фронта войска и посылать ихъ на западный фронтъ для противодѣйствія могучему наступленію, франко-англійскихъ армій. Какъ выразился одинъ французскій соціалистъ, наши западные союзники съ надеждой прислушивались къ грому

революціи на востокѣ, думая, что она увеличитъ силы русской арміи, а вмѣсто этого, съ русскаго фронта на западный стали приходить лишь странные слухи о возможности сепаратнаго мира, да свѣжія нѣмецкія дивизіи.

Моральныя и политическія связи Россіи съ западными демократіями стали слабѣть и когда? Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда преобразованіе государственнаго строя Россіи облегчало, казалось бы, ея сближеніе съ ними.

Произошло это опять-таки потому, что въ Россіи порвалась связь между идеей революціи и идеей войны. Въ то время, когда въ Бельгіи, Франціи, Англіи, Сербіи Италіи и Соедин. Штатахъ общественное мнѣніе твердо признаетъ необходимость побѣды надъ прусскимъ милитаризмомъ и когда побѣда эта становится близка, русская рука вдругъ выпускаетъ мечъ войны и падаетъ, дряблая и обезсиленная. Могутъ ли союзники примириться съ этимъ? Конечно, нѣтъ. И единственный способъ предотвратить окончательный распадъ дружескихъ отношеній между Россіей и западными демократіями, равно какъ и распадъ соціальныхъ и гражданскихъ отношеній внутри Россіи заключается въ томъ, чтобы возстановить пошатнувшуюся связь между войной и революціей, сливши ихъ воедино въ революціонной народной оборонѣ. Но для этого необходимо, чтобы во главѣ страны стояло правительство національной обороны, власть сильная и единая въ своемъ стремленіи къ побѣдѣ надъ внутренними и внѣшними врагами народа. Есть ли у насъ такая власть? Увы! Пока еще нѣтъ.. Правда у насъ есть коалиціонное министерство, но соціалисты, участвующіе въ немъ, за исключеніемъ Керенскаго, все еще не представляютъ себѣ, что только стоя на почвѣ революціонной войны противъ нѣмецкой реакціи, угрожающей русской и европейской свободѣ, правительство можетъ преодолѣть разруху и собрать вокругъ себя всѣ живыя силы народа. Керенскій понимаетъ это и зоветъ войска итти впередъ. Но въ это время его ближайшіе сотоварищи по министерству М. Скобелевъ и В. Черновъ подрываютъ значеніе и силу его благородныхъ призывовъ,—одинъ публично клянясь въ вѣрности антипатріотическимъ идеямъ циммер-

вальдскаго лже-интернаціонализма, другой—столь же публично насмѣхаясь надъ «штатскими крикунами", зовущими солдатъ къ наступленію. Гдѣ же единая власть?

Власть, не единая въ своей политикѣ, не можетъ быть сильной. Распадъ государственности идетъ все дальше. Дѣло доходитъ до того, что Кронштадтъ, защищающій съ моря доступъ къ столицѣ, объявляетъ себя независимымъ отъ правительства, въ этой столицѣ засѣдающаго. Вмѣсто того, чтобы проникнуться интересами государственнаго цѣлаго, угрожаемаго смертельной опасностью извнѣ, каждая группа, каждая частица думаетъ только о себѣ. И нѣтъ никакой силы, которая бы побѣдила это распаденіе, кромѣ одной: могучей и дружной воли къ побѣдѣ, къ вооруженной борьбѣ съ врагомъ—завоевателемъ за честь и свободу Россіи и всего міра.

Явится эта воля, — спасена наша бѣдная родина. Не явится ея, Россія погибнетъ гибелью жалкой и безславной. Погибнетъ въ кровавой грязи внѣшняго пораженія и внутренней смуты.

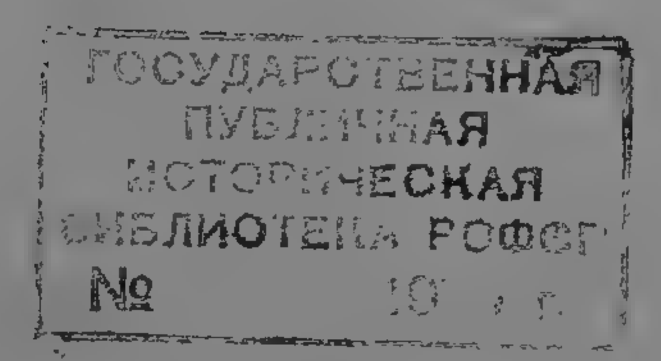
Неужели мы, дѣти свободной Россіи, допустимъ ее до этого?

Конечно, нѣтъ!

Послѣсловіе.

Брошюра эта уже была готова къ выходу въ свѣтъ, когда пришли первыя вѣсти о начавшемся наступленіи русской арміи. Это—первое и наиболѣе цѣнное проявленіе народной воли къ спасенію Россіи. Въ успѣшномъ наступленіи, войскъ революціонной Россіи на войска реакціонной Германіи—залогъ этого спасенія.

Г. А.

Того же автора:

ВО ИМЯ СОЦІАЛИЗМА.

(Изд. М. Малыхъ, Петроградъ, 1917).

La Russie Moderne. (Изд. E. Flammarion, Парижъ).

La Russie et La Guerre. (Изд. A. Colin, Парижъ).

La Russie et L'Europe. (Изд. E. Flammarion, Парижъ)

Эти три книги вышли также въ англійскомъ изданіи, у T. Fisher Unwin, въ Лондонѣ.

Цѣна 45 коп.

Библіотека „Свобода“.

Изд. книжн. магазина М. А. Яснаго (быв. М. Попова).

Петроградъ, Невскій, 66.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ.

Г. Алексинскій.	Война и революція	Ц. 45 к.
Б. Гуревичъ.	Защищайте свободу Россіи	Ц. 20 к.
М. Гаузнеръ.	Л. Н. Толстой о землѣ	Ц. 15 к.
І. Даниловичъ.	Швейцарская федерація	Ц. 20 к.
„	Монархія или республика	Ц. 35 к.
„	Какъ произвести выборы въ Учредительное Собранія	Ц. 20 к.
„	Государственный строй Англіи	Ц. 35 к.
Ф. Дунаевскій	Гарантіи равенства	Ц. 35 к.
М. Лазерсонъ	Автономія и федерація	Ц. 45 к.
С. Г. Лозинскій.	Объ избирательныхъ системахъ	Ц. 35 к.
„	Революція 1848 года въ Австріи	Ц. 45 к.
Манифестъ коммунистической партіи		Ц. 40 к.
П. Г. Мижуевъ.	Права человѣка и гражданина	Ц. 60 к.
„	8 ми часовой рабочій день въ Америкѣ и Австраліи	Ц. 30 к.
„	8-ми часовой рабочій день въ Англіи	Ц. 35 к.
„	Какъ живутъ рабочіе въ Англіи	Ц. 45 к.
Программы политическихъ партіи		Ц. 20 к.
Проф. В. В. Святловскій.	Примирительныя камеры	Ц. 45 к.
„	Анархизмъ, его сущность и ученіе	Ц. 35 к.
Хронологическія замѣтки русской революціи		Ц. 35 к.
Р. Штаммлеръ.	Анархизмъ	Ц. 35 к.
Н. М. Ясный	Продовольственный кризисъ и хлѣбная монополія	Ц. 35 к.
Г. В. Плехановъ.	О Войнѣ	Ц. 1 р. 25 к.

Книжнымъ магазинамъ и организаціямъ скидка.

